

РАСКОЛ

— Сергей Комар —

Сергей Комар

Раскол

«Автор»

2026

Комар С.

Раскол / С. Комар — «Автор», 2026

Алиса — студентка, чья жизнь омрачена тревожным расстройством, унаследованным от матери. Панические атаки — ее вечные спутники. Но как будто этого мало — девушка начинает видеть преследующих ее черных людей. Это не галлюцинации, а предвестники опасности, которую она не в силах понять. Встреча с Флорой — холодной и загадочной незнакомкой — затягивает Алису в водоворот событий, где реальность трещит по швам. Теперь ей предстоит сражаться не только за жизнь, но и за истину, скрытую за гранью двух миров — земного хаоса и ледяного порядка Ша. Тайны, демоны и жертвы — цена, которую Алиса заплатит, чтобы стать чем-то большим, чем была.

© Комар С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

РАСКОЛ	5
Пролог	6
ЧАСТЬ 1 ОТРИЦАНИЕ	9
Глава 1. Сеанс	9
Глава 2. Черный человек	13
Глава 3. Флора	17
Глава 4. Контракт	20
Глава 5. Кофейня	23
Глава 6. Вам нужно уйти	26
Глава 7. Беззащитные	30
Глава 8. Решение	33
Глава 9. Рука в кожаной перчатке	35
ЧАСТЬ 2 ГНЕВ	38
Глава 1. Янтарь	38
Глава 2. Корпорация Энигма	41
Глава 3. Побег	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Комар

Раскол

РАСКОЛ

Роман

Автор: Сергей Комар

Пролог

Мертвые огни — так Флора называла миллионы лампочек, терзающих город. Они не давали городу покоя: после дневной гонки вспыхивали рваными полотнами синего, белого, желтого.

Холодный свет неохотно отступал от надвигающихся сумерек, когда Флора вышла на очередную охоту. Рядом бесшумной тенью, прячась от особенно навязчивых уличных фонарей, крался на мягких лапах Штайт.

Неприятное ощущение, что эта прогулка может стать последней, вызывало странную тоску. Надсмотрщице чужды сантименты, но ее нерешительное поведение после долгих поисков Эйрины говорили об изменениях, неподвластных даже тюремным стенам Целлара. Флора тряхнула головой: за сильным гибким телом не должно скрываться ничего, кроме долга!

Каждая вылазка давалась все тяжелее. Контракт нужно исполнять, но очевидно: она просто тянет время, и это угнетало ее. Привычный мир рушился — долго так продолжаться не могло.

Быть может эта ночь будет последней? Смерть в бою — достойный конец для Младшей Сестры. Но теперь Флора начала сомневаться: есть ли вообще что-то достойное в смерти?

Штайт чувствовал эти колебания, но ничего не предпринимал. Такое странное его поведение добавляло происходящему еще больше неправильности. Может, Флору и посетил катарсис, и обратного пути не будет. Но Штайт — он пережил таких, как она, десятки, а может, и сотни. У него не было чувств и эмоций, он совершенное оружие, страж над стражами. Как же так выходило, что за ней не пришли, не узнали о ее тоске...

Словно прерывая незаконные мысли девушки, тень взвилась, на секунду изобразив прямо перед ней волчью пасть с ехидным оскалом, и тут же рассыпалась в клочья, чтобы собраться в нескольких шагах от спутницы. Флора услышала привычный голос в голове — волк предвкушал битву и ее настраивал на тот же лад. Девушка вскинула руку — жест получился одновременно примирительным и агрессивным.

«Если бы можно было проникнуть в твое сознание, как ты это делаешь с моим — возможно, получилось бы заглянуть в это черное зеркало и увидеть в нем себя настоящую. Найти ответ на вопрос: что я на самом деле должна сделать?»

Аллея закончилась. Мысли стали уплывать, освобождая место инстинктам. Фонари потускнели, звуки ночного города стихли.

Флора ощутила присутствие посторонних. Тело еще не восстановилось после последней охоты, и от этого острее ощущалось, как изменяется реальность. Адреналин растекался по артериям, азартно наполняя мышцы кровью. Тяжесть предыдущих ночей растворялась в вязком ночном воздухе.

Флора взглянула в небо — пепельные пряди выбились из-под капюшона. Бирюзовые глаза твердо вглядывались в ночной сумрак. Внезапная мысль хлестнула, как кнутом: так это и закончится? На этой грязной аллее, под тусклым светом мертвых огней?..

На бледное лицо упали первые капли осеннего дождя, холодного и колючего. Флора опустила голову и закрыла глаза, прогоняя наваждение.

Послышалось хлопанье крыльев. Звук рвущихся от шквального ветра парусов заполнил все пространство, превратившись в один нескончаемый гвалт. Уродливые тени окружили, заплясали в страшном танце. Утробное хлюпающее дыхание и запах гнили.

Из-за спины выпрыгнул упырь — быстро, быстрее, чем может уловить человеческий глаз, не оставляя шанса невнимательной жертве. Стремительная тень проглотила нападавшего,

взвила в воздух и с нечеловеческой силой обрушила на каменную брусчатку аллеи. Одним врагом стало меньше.

Словно по команде, со всех сторон ринулись упыри: слева, справа, с воздуха, выныривая из-за спины. Штайт ликовал — крутился вокруг Флоры вихрем черных клинков. Обратившись в черную дыру, поглощавшую злосчастных упырей, он превращал их в омерзительное месиво из размозженных частей сгнившей плоти и разбрызганной повсюду густой сине-черной крови.

Феерия Штайта подходила к концу, когда Флора ощутила присутствие существ куда опаснее оголтелых упырей. Флора резким движением скинула плотный черный плащ, обнажив ножны на спине, отстегнула пряжку на груди и перехватила их в левую руку. В правой тут же оказался клинок.

Запах озона окружил девушку — такой ясный даже сквозь стоявший смрад. Из темноты появились две тени. Одна — высокая, худая. Другая — коренастая, с огромными мускулистыми руками. Тощая фигура с вытянутой уродливой головой, увидев направленный на нее клинок, сделала шаг назад, и ее проглотила тьма. Вторая уверенно шагнула навстречу серебряной стали.

— Флора... — забулькал голос Молоха. — Флора...

Девушка знала, что демон кроме ее имени больше ничего сказать не способен. Она сделала выпад — стремительным движением демон отклонился назад. При этом нижняя часть его туловища осталась недвижимой.

Было удивительно, как тело демона напоминает человеческое: те же конечности, подвижные суставы, даже глаза были на своем месте. Разве что непропорционально большие, без белков, с крохотной белой точкой в центре. И все же вряд ли самый невнимательный признал бы в этом существе человека — будто на змею надели костюм тигра. Даже противные глаза, насколько знала Флора, были не более чем реквизитом. Демон не видит в привычном понимании, не слышит, не чувствует, не знает ненависти, не испытывает страха и боли, он лишь выполняет свое предназначение. Флору передернуло от мысли, что у нее с демоном больше общего, чем с людьми.

Ненужная эта мысль пропала так же быстро, как появилась. Рука стала продолжением катаны, а разум покорился боевому инстинкту. Сейчас ее мир умещался в простой и понятной парадигме: уничтожь врага до того, как он успеет уничтожить тебя.

Из темноты вынырнул Штайт. В одну секунду он оказался рядом с Флорой, то покрывая ее черной рваной дымкой, то почти полностью растворяясь в мареве ночного воздуха. Флора начала движение навстречу демону, готовясь к прыжку. В ее руках катана оживала, с готовностью повторяя все движения хозяйки.

Каждый такой клинок даровали Младшим Сестрам, когда они покидали Академию. Меч, способный уничтожить любое физическое обличье, которое принимали демоны, а в связке с Сестрой — изгнать их вечную тьму. Он был продолжением воли и характера Младшей Сестры.

Флора сделала обманный шаг в сторону. В тот же миг Штайт оказался за спиной у Молоха, но неведомая сила швырнула его в темноту аллеи. Демон на долю секунды отвлекся на колебание воздуха позади себя, при этом не забывая уворачиваться от летящей на него Флоры. Этого мгновения хватило, чтобы Флора использовала незначительную заминку. Она изменила направление прыжка и фактически упала на землю. Приземлившись на согнутые колени, как взведенная пружина прыгнула, целясь мечом в жирное брюхо. Но, не достигнув заветной цели, предугадывая стремительный маневр гуттаперчевого тела, резко прервала атаку и, уже находясь на расстоянии удара, размашистым круговым движением достала противника. Демон понял, что уклониться не успеет. Он попытался прикрыться рукой — но в следующий миг катана отсекла кисть и половину его головы. Крови не было, лишь черная слизь.

Еще не успев осознать, что физическое тело искалечено, Молох попытался дотянуться до Флоры оставшейся сильной рукой. Его старания были так же обречены, как и попытки увер-

нуться от града сыплющихся ударов. Роковой клинок буквально нашинковал массивное туловище.

Они встречались с Молохом уже в четвертый раз. Флора не завершила ритуал, и Молох возвращался снова и снова. Однажды ей почти удалось, но количество упырей было такое, что Штайт не справлялся.

В этот раз даже пробовать не было никакого желания. Накопившаяся усталость и ощущение чего-то противоестественного в сегодняшней ночи не оставляли места обрядам.

Внезапно Флора обнаружила, что испытывает страх. Это было человеческое чувство — странное и очень неприятное. Она поняла, что не слышит Штайта, не чувствует его присутствия. Что за существо могло заставить его молчать? Кто мог внушить ей страх? Девушка встала в боевую стойку, напрягая все свое чутье, становясь слухом и осязанием, превращая себя в импульс, готовый отреагировать на любое движение.

«Обернись!» — отчетливо прозвучало в ее голове. Прозвучало как приказ, который нельзя не исполнить.

«Нергал...» — успела подумать Флора.

Костяное копьё с длинной цепью желтых отточенных позвонков вонзилось в спину, разрывая одежду, разрезая плоть, проникая во внутренние органы.

Флора медленно повернула голову — взглянуть в глаза тому, чей шепот заглушил все вокруг. Взгляд черных, как бездна, глаз был абсолютно пустым. Но она знала, что за ними есть жизнь — настоящая, не бутафорская.

«Так это и закончится? Здесь, на грязной аллее, под тусклым светом мертвых огней?»

ЧАСТЬ 1 ОТРИЦАНИЕ

Глава 1. Сеанс

Садиться Алисе не хотелось, но высокий мужчина в круглых очках так настойчиво вытягивал руку, что пришлось согласиться. Жесткое старое кресло отдавало затхлостью. Высокие деревянные подлокотники уныло скосились вниз. Белая паутина трещин уродливым узором растекалась до самых проножек. Посреди этого запустения громоздилась серо-черная подушка, успевшая пережить несчетное количество посетителей.

Мужчина был уже немолод, а с точки зрения Алисы и вовсе стар. При одной мысли, что с ним придется откровенничать, Алису передернуло. Она смотрела на его гладко выбритое, морщинистое волчье лицо с землистым оттенком и, как не раз бывало, пыталась мысленно сообщить ему, чтобы он не заговаривал с ней, дал провести эти шестьдесят минут в тишине. Пусть в этом вонючем мерзком кресле, но в тишине.

Высокий лоб мужчины нахмурился, отчего над глазами выросла одна длинная серая бровь. Бровь эта смотрела на Алису, надвигалась на нее — и вдруг заговорила:

— Прекрасно понимаю вас, барышня. Но так уж вышло, что придется этот час провести вместе — и желательно провести его с пользой. Поступим так, — он сделал пару шагов в сторону стола, развернул свое кресло на колесиках в сторону Алисы и сел против нее, — я буду задавать вопросы, а вы отвечайте только тогда, когда сами захотите. Но будет одно правило — если не захотите отвечать, нужно будет сказать: я не хочу об этом говорить, *потому что...* Я понятно объяснил?..

Алиса кивнула. Правила были понятны, но в их действенность она не верила. Да и как правила могут что-то изменить, если они нужны лишь для того, чтобы облегчить жизнь их автору. Отговорка на случай провала: «Не получилось? Значит, ты нарушила правила».

Между тем мужчина удовлетворительно кивнул. Жест этот был адресован, скорее, самому себе, словно он разрешил себе продолжить.

— Я представляюсь. Меня зовут Адольф Карлович Хитрецов, раньше я работал психотерапевтом в городской больнице. Мой стаж — более сорока лет. Я написал четыре монографии и бесчисленное количество методик и рекомендаций. Уже несколько лет я веду частную практику. Рецепта выписать не могу, но при необходимости это сделает моя дочь — она трудоустроена официально. Обычно лекарственные препараты я не использую, поскольку владею более действенными методиками, но если вы захотите, — он сделал многозначительную паузу, — мы сможем решить этот вопрос. Мне звонила ваша мама?

— Да.

— Отлично! Она рассказала немного о существующей проблеме — так ее назовем. Но я бы хотел услышать все от вас. Вы готовы?

— Я не знаю. К чему?

— Рассказать мне свою историю.

— Нет никакой истории, — Алиса замялась, — родители просто беспокоятся.

— Вы считаете, им не стоит?

— Я не знаю.

— Хорошо! Давайте попробуем разобраться по порядку. Сколько вам лет?

— Двадцать.

— Учитесь?

— Да, в институте железнодорожников.

- Что за специальность?
- Менеджмент. Маркетинг в цифровой среде.
- Принято. Вам нравится?
- Не знаю. Вероятно.
- Та-ак... Вероятно... Ну что ж... У вас есть молодой человек... или муж, может быть?
- Нет.
- Друзья?
- Не особо.
- Увлекаетесь чем-нибудь?
- Читаю и смотрю фильмы.
- Отлично, а какие книги?
- Не хочу об этом говорить.
- Потому что...
- Потому что какая разница — всякие книги, разные.
- Когда начались, скажем так, проблемы?
- Год назад.
- Как это произошло?

Алисе нестерпимо захотелось выйти из этой неприятной квартиры. Ей стало так тоскливо от безысходности, которую она особенно остро чувствовала в компании этого старика. Его присутствие делало ее такой бесконечно одинокой, что появилось желание прямо здесь расплакаться. Она очень хотела сказать, что не верит ни на секунду, что он может ей помочь, заплатить ему две тысячи рублей и уйти, больше не вспоминая про эту глупую затею. Но тут он резко вскочил с кресла, прервав ее размышления, и вышел из комнаты.

Алиса в недоумении смотрела, как за занавеской, а именно она разделяла комнату и кухню — домотканая, в крупных маках, засаленная, висящая на огромных нелепых кольцах, нанизанных на пожелтевшую деревянную жердь, — скрылась спина в сером однобортном пиджаке. Через несколько секунд мужчина вынырнул обратно, неся в руке желтый стакан из твердого пластика, наполовину заполненный водой.

— Выпейте! — резко, без какого-либо перехода бросил он.

Алиса решила повиноваться, к тому же пить на самом деле хотелось — воздух в помещении был сухой и пыльный.

— Я прошу вас, — продолжал он, расхаживая взад-вперед по комнате. — Нужно попробовать: говорите все, как есть. Если не получится — вы просто уйдете, и все, ничего не произойдет. Вы ведь, так или иначе, уже пришли, почему бы не воспринять это как просто шутку, приколы... так ведь вы говорите?

— Кто вообще так говорит?... — пробормотала Алиса, ставя опустевший стакан на низкий обшарпанный столик, притулившийся по правую руку. Вода имела странный привкус. Алиса безглаголиво поморщилась, решив, что дело в немывтом стакане.

Мужчина вновь опустился в свое кресло, закинув ногу на ногу, отчего брючина бежевого цвета задралась, обнажив черные носки и часть голы голени, узкой и чрезмерно волосатой.

Алиса перевела взгляд на окно и нехотя протянула:

- Я иногда вижу странные вещи.
- До какой степени странные?
- Степени?
- Я имею в виду, что именно вам кажется в них странным... и насколько эти странности серьезны?
- Сами судите: я вижу черных людей!
- Так.
- Ну вот. Это в принципе все.

— Больше ничего вас не беспокоит?

— Этого, по-вашему, недостаточно? Ну да, я, наверное, не про то рассказываю. У меня часто бывает тревога, бессонница мучает, страхи без причины. Но, мне кажется, это у меня наследственное — мама у меня точно такая же. Но черных людей она не видит.

— Что вас больше беспокоит: то, что вы видите, то, чего нет, или ваше внутреннее состояние? Ответьте честно — вы отвечаете для себя.

— Если честно... мне кажется, я потерялась — и это беспокоит меня больше всего.

— Потерялись?

— Ну, знаете, как в лесу теряются. В детстве мы иногда ходили за грибами, с родителями. И однажды я заблудилась, отошла дальше, чем следовало, от мамы и, испугавшись, побежала не в ту сторону. Я блуждала несколько часов, пока меня искали. Я, помню, очень сильно испугалась, и чувства были такие: очень сильный страх и отчаяние. Я понимала, что потерялась, что осталась одна, и вокруг никого не было. Страшно было от того, что моего крика никто не слышал... он будто ничего не значил. Бессилие и страх — я очень хорошо это запомнила. А теперь я не в лесу, я, можно сказать, взрослая, а чувство иногда такое же появляется. Я словно не знаю, куда мне идти, просто делаю то, что должна. Не знаю, зачем и для чего.

Психолог внимательно смотрел на говорившую Алису своими маленькими раскрасневшимися глазами. Он поджал губы, словно задумался. Когда она остановилась, он снова встал со своего кресла.

— Я вас понял. Замечали ли вы, что ваше состояние меняется в зависимости от времени года, наблюдается ли какая-нибудь периодичность?

— Иногда мне бывает получше, но никаких особых периодичностей я не замечала.

— Как сейчас вы себя чувствуете?

— Легкая тревога — незначительная. Последние несколько дней даже спала нормально.

В целом жить можно, если бы не...

— Черные люди?

— Да. В последнее время их стало больше.

— Вы не обращались в поликлинику?

— Нет.

— По какой причине?

— Не хочу, знаете... Я гуглила свои симптомы... В общем, я понимаю, что у меня шизофрения или вроде того, и дальше я стану инвалидом.

— Поэтому родители настояли на вашем приходе ко мне, смогли вас уговорить?

— Да.

— Что ж, расскажите, когда появились симптомы тревоги и когда появились эти ваши черные люди?

— Тревога — пару лет назад, сразу после сессии. Я тогда первый семестр заканчивала, все сдала хорошо. На следующий день встаю — что-то мне беспокойно, подумала, что просто не отошла от напряженных экзаменов. Но потом прошла неделя, другая, а тревога так и сохранялась. Потом мы долго и безуспешно искали у меня заболевания, мне кажется, я сдала тысячи анализов и обошла сотни врачей. В целом выявили... недостатки, — Алиса смутилась, — но ничего серьезного. Потом настал черед великого и всемогущего интернета. Симптомы усугублялись: страшно было из дома выходить, постоянная слабость была, прибавилась бессонница... и все время была тревога. Знаете, как если бы завтра нужно было снова экзамен сдавать — вот такое чувство, и оно как бы зависло: экзамена уже нет, а чувство есть. Ужасное такое, в груди как будто.

— Понимаю, — сочувственно кивнул мужчина, жестом предлагая продолжить рассказ.

— Со временем в интернете я узнала, что такое тревожное расстройство, про панические атаки и прочее, но лучше мне от этого не стало. А в прошлом году появились черные люди.

— Расскажите о них поподробнее?

— Я сидела на подоконнике в съемной квартире. Мама за городом живет, я снимаю однушку на Луначарского. И вот, напротив моего окна в соседнем доме забегаловка для алкашей — «Бристоль» вроде называется. Рядом с ней, возле фонарного столба, я впервые увидела черного человека. Он смотрел прямо на меня.

— Как он выглядел, вы видели его глаза?

— Нет, у него не было глаз.

— Как же вы поняли, что он смотрит прямо на вас?

— Не знаю, почувствовала как-то.

— Он весь черный?

— Да, полностью, черный без какой-либо одежды или деталей, просто черный человек.

— Если он был без деталей, то почему вы решили, что это человек?

— А кто же?

— Не знаю, пугало какое-нибудь.

— Нет — это был человек, по всему понятно. Потом я еще много раз видела таких же?

— Это был не тот же самый, вы уверены?

— Уверена — они разной комплекции были.

— Всегда на расстоянии?

— Да.

— В квартире появлялись хоть раз?

— Нет... — Алиса замялась, — никогда.

— Любопытно...

Алиса потупила взгляд. Ей не казалось это любопытным. Она корила себя за то, что так разоткровенничалась с незнакомым человеком. С другой стороны, стало немного легче оттого, что она смогла выговориться.

— Нам предстоит много работы, Алиса. Я предлагаю начать с одного интересного упражнения. Вставайте! Вот так, встаньте посередине комнаты и вытяните руки. Закройте глаза, я завяжу их повязкой, она очень нежная, ни о чем не беспокойтесь — больно не будет. Скажите, какой цвет вы видите?

— Не знаю... серый.

— Во-от, теперь подождите.

Алиса почувствовала, как мужчина водит руками вдоль ее тела, не касаясь, но создавая ощущение непрошеного вторжения. Движения были очень интенсивными, однако руками он ее практически не задевал. Через несколько минут он остановился и уже рукой поверх повязки зажал ей глаза.

— А сейчас какой цвет?

— Серый, — нехотя сказала Алиса, понимая, что ритуал продолжится до тех пор, пока, видимо, цвет не станет ярче или что-то вроде того.

И действительно, действия мужчины возобновились, при этом он стал еще что-то нашептывать. Шептание это походило на заговор, только набор слов был самый банальный, что-то вроде «все уходит, расслабляется и не возвращается, спокойствие, гармония» — в разных интерпретациях. Через некоторое время он снова закрыл ей глаза и задал тот же самый вопрос.

— Теперь стало светлее, — неуверенно произнесла девушка.

— Во-от! — восторженно заявил врачеватель неожиданно высоким тоном и вновь принялся совершать таинственные пассы, а по окончании вдруг вышел из комнаты. Вернувшись, стал ходить вокруг зажмурившейся Алисы, при этом она явственно слышала, как он нажимает на помпу какого-то флакона, и воздух наполняется приторным фиалковым запахом.

— Теперь какой цвет? — навязчиво поинтересовался бывший психотерапевт.

— Розовый, — без колебаний выдала Алиса.

— А чувствуете, что даже запах в комнате изменился?

— Чувствую, — устало сказала Алиса. Ее вновь охватила тоска... и впервые стало жалко приготовленных двух тысяч рублей.

— Отлично, присаживайтесь, — попросил мужчина, — я хочу вам дать еще несколько рекомендаций.

Алиса сняла повязку, и тут же отвела взгляд от окна, лицом к которому стояла — яркий свет резал глаза. Она посмотрела на наручные часы: оказывается, процедура затянулась почти на двадцать минут.

— Ну-с, девушка, — снисходительно начал психолог, — запоминайте мои рекомендации: побольше бывать на свежем воздухе, дыхательная гимнастика — в обязательном порядке, этому я вас потом научу. Гигиена сна! Можете почитать об этом в вашем интернете, а могу и я рассказать. Ромашковый чай перед сном с ложечкой меда, желателно из акации. Не горячий! И надо учиться расслабляться. Что касается черных людей, что ж, это любопытно, но и с этим, я думаю, справимся. Также у меня есть брошюра «Как справиться с волнениями и тревогами с помощью упражнений и перекиси водорода». Стоит пятьсот рублей, — можете прямо сейчас приобрести. Сеанс у нас затянулся... История у вас, конечно, необычная. Ну-с, час — две тысячи, полтора — три.

Алиса с покорностью военного барабанщика встала, залезла в карман куртки и протянула заготовленные деньги.

— Можно тысячу я вам переведу?

— Да-да, конечно, — засуетился старик, — вот тут на бумажке записан мой номер телефона.

Он протянул ей засаленный обрывок бумаги, болезненно-желтый, со старательно выведенным номером.

Алиса достала айфон, быстро совершила перевод и, выдавив из себя «до свидания», стремительно покинула мерзкую квартиру, пытаясь не думать о бесполезно потраченных деньгах.

Глава 2. Черный человек

Алиса решила, что домой пойдет пешком. Ей срочно нужны были наушники в ушах, и басы погромче. Будто угадав настроение Алисы, Билли Джо затянул «When September Ends». Накинув на голову капюшон, она, не спеша, зашагала прочь от серого пятиэтажного здания, где ее пытался починить старичок-волшебник. Назвать его Гэндальфом язык не поворачивался — скорее, старик Хоттабыч, утративший все свои способности.

Алиса думала о пропасти, которая была между ней и всеми остальными людьми. Силясь понять, в какой момент эта пропасть начала расти, Алиса никак не могла определить её причину. И оттого момент возникновения пропасти никак не находился. Ведь живут люди и просто радуются всему, что происходит, как собаки. Хорошо бы стать одной из них. Где найти смысл, который будет простым и понятным? И что сделать вначале: найти смысл, а потом пропадет тревога, или сперва надо вылечить тревогу, а потом появится смысл?

Мысли ее всегда вращались вокруг одного: что будет дальше? Вот станет она маркетологом или еще бог знает кем. Найдет работу, появятся деньги. Потом, может, семью можно завести, а что дальше? Дети? Про них как-то не думалось. В этот момент мысли путались, становилось тошно, и хотелось выпить. А мысли о выпивке рождали страх, потому что, если верить интернету, спиртное усиливает симптомы. Психам выпивка не полагалась.

Погрузившись в раздумья, Алиса не заметила, что рядом с ней уже несколько минут шагает привлекательная девушка. Незнакомка была высокой, с густыми прямыми волосами. Отлично сложена, но казалась несколько хрупкой. Шаги были уверенными, пружинящими.

Глаза смотрели пристально и неприкрыто, взгляд был холодным и жестким. Поджатые тонкие губы выражали откровенное любопытство, с которым спутница изучала Алису.

Алиса нервно вздрогнула от взгляда колючих глаз и неожиданно остановилась. Замерла и девушка, продолжая без стеснения глазеть на Алису.

— Мы знакомы? — нерешительно спросила Алиса, неловким *заградительным* жестом поправляя прядь волос, выбившуюся из-под капюшона, и одновременно двойным ударом по наушнику останавливая музыку.

Незнакомка не ответила. Она бесцеремонно протянула руку и сняла капюшон Алисы, дерзко разглядывая ее лицо.

— Что вы делаете? — Алиса в испуге отпрянула от нахальной прохожей.

— Все в порядке! — уверенно произнесла девушка. Голос ее был низкий, с легкой хрипотцой.

— Ничего не в порядке, — взволнованно отреагировала Алиса, — кто вы? Вы меня с кем-то перепутали. Я пойду.

И она попыталась уйти, закрываясь капюшоном и от приставучей девушки, и от этой совершенно нелепой ситуации.

— Нет, не пойдешь.

Сказано было так спокойно и уверенно, что Алисе сделалось не по себе. И в то же время появилось что-то еще, кроме неловкости и страха. Чувство живого любопытства проникло в скучающее сердце. Озорное чувство, не считающееся с серьезностью тревожного разума.

Между тем девушка протянул руку к лицу Алисы и, осторожно ухватив за подбородок, приподняла голову, слегка поворачивая ее, ловя свет яркого заходящего солнца. Она явно разглядывала Алису. Правильнее было бы сказать, что она *заглядывала* в нее, куда-то внутрь, сквозь ее большие карие глаза проникая в самое сознание. На мгновение Алисе показалось, что незнакомка гипнотизирует ее.

Внезапно девушка отдернула руку и нахмурила тонкие брови:

— Скажи мне, где ты живешь.

Алиса поняла, что не сможет не подчиниться. Но она не ощущала негатива. Она искренне, как ей казалось, желала ответить.

— Луначарского тридцать семь, квартира семьдесят три.

После этих слов девушка развернулась и пошла прочь от потрясенной Алисы. Проводя взглядом таинственную незнакомку, Алиса натянула капюшон на голову и уже в тишине зашагала по направлению к своему дому.

Мысли ее вязли, как муха в киселе, беспомощно барахтаясь в липкой пустоте. Сначала встреча казалась ей загадочной и даже волнующей, но затем приходило осознание: она ведь только что выдала свой адрес постороннему человеку. Затем обреченно говорила себе, что хуже ей уже не будет в любом случае. И, наконец, начала сомневаться, что эта встреча случилась в реальности.

Вздрогнула она от того, что в ушах раздался резкий голос:

«Вызывает Артем, ответить?»

— Ответить, — машинально бросила девушка.

— Але, привет!

— Привет!

— Че как?

— Нормально, как сам?

— Все оке, заеду к тебе минут через тридцать?

— Давай. — Звонок завершился, и музыка вновь автоматически заиграла в наушниках.

Алиса не стала противиться умному алгоритму.

Артем был институтским приятелем. Одним из немногих, с кем Алиса поддерживала отношения. Ее полная противоположность: активный, общительный, любящий жизнь во всех ее проявлениях. Странно так выходило, что такие разные люди нашли что-то друг в друге. С другой стороны, Алиса точно знала, что нравилась ему, и он хотел большего, нежели просто приятельское общение. Но она четко дала понять, что он ей в этом плане не подходит. Такая и получалась дружба: несбыточные мечты одного и снисходительность другого.

Когда до дома оставалось всего пять минут ходьбы и на горизонте показались однотипные пятиэтажки мышиного цвета, а в наушниках Экл Роуз перестал повторять «sha-na-na-na-na-na-na», Алиса вдруг заметила черную фигуру, прячущуюся за мусорным баком.

Она много раз прокручивала в голове сценарий, по которому будет действовать, если черный человек попадет ей прямо на пути. Сценарий предполагал решительные действия, чтобы отделить реальность от видений: она хотела подойти и заставить себя убедиться, что никакого черного человека нет. Но теперь, когда она заметила его, прячущегося за мусорным баком, когда до него осталось пройти десять шагов, когда можно было протянуть руку и узнать, что это вымысел... теперь ей сделалось жутко. Ее била дрожь, на лбу выступил пот, а ноги стали ватными и непослушными.

Она сжала кулаки: надо сделать то, что надо. И подбадривая себя словами, которые могли бы, очевидно, мотивировать любого тяжелоатлета на поднятие нового рекордного веса, решительно двинулась на потенциального врага.

Алиса была девушкой невысокой, самым большим спортивным достижением для нее был переплыв бассейна туда-обратно без остановки свободным стилем. Но ее грозный вид, сдвинутые брови и угрожающе раздутые ноздри могли произвести впечатление на случайного прохожего. Им оказался тридцатидвухлетний Алексей, которого девушка в своем порыве попросту не заметила. Зато он, стоя с пакетом мусора в руках и наблюдая, как к нему приближается пятидесятикилограммовая машина смерти, озадаченно почесывал бритую голову. При всем при этом Алексей был почти двух метров роста и с плечами такой ширины, что проходил не в каждую дверь.

Подойдя почти вплотную к незнакомцу, Алиса остановилась и не нашла ничего лучше, чем нелепо поинтересоваться:

— Мусор выкидываете?

— А ты против?

— Вроде нет.

— Я надеюсь.

— Не обращайтесь внимания!

— Да без проблем, — с этими словами мужчина закинул пакет в контейнер. — Меня Леха зовут, а тебя?

— Алиса.

— Ну норм. Живешь здесь?

— Да, в соседнем доме.

— Ладно, бывай.

— До свидания.

И они разошлись, каждый оставшись при своем.

Алексей, засунув руки в спортивные штаны Adidas, двинулся в направлении остановки, размышляя о том, что сегодня хорошо бы придумать, где раздобыть немного денег.

Жизнь его, как тельняшка, заботливо сложенная и покоящаяся в шкафу для одежды, делилась на полосы. Сначала была белая полоса, где он старательно зарабатывал деньги. В этот период он был трезв и сосредоточен и даже проявлял завидное усердие. Работу он брал любую, часто физически тяжелой и малооплачиваемую. Но работал много и без усталости, потому за пару месяцев умудрялся неплохо заработать, после чего начиналась синяя полоса. Состояла она в

основном из возлияний, встреч с девушками, не претендующими на длительные романтические отношения, и общение с немногочисленными друзьями и сослуживцами.

На досуге, в самом начале белой полосы, ему позвонил старый приятель и позвал подхалтурить на стройке. Дело было нехитрое: смастерить опалубку для частного дома, сплести сетку из арматуры и залить все это дело цементом. Стройка планировалась бюджетная, из-за чего все работы должны были проходить в ручном режиме. Правда, Цыган — так звали приятеля — обещал раздобыть электрическую бетономешалку, что заметно облегчило бы им работу.

И теперь Леха шел, закрыв на один оборот хлипкую дверь однокомнатной квартиры, которую снимал, уверенно предвкушая продуктивный вечер, где они с Цыганом обсудят план работ на ближайшую пару недель.

Алиса, в свою очередь, пошла домой, решив, что черные люди могут превращаться в обычных людей с мусорными пакетами, поэтому нужно быть внимательней, чтобы в дальнейшем избегать таких неловких моментов.

Зайдя в подъезд, она сняла наушники, со щелчком отправив их в белоснежный бокс. Третий этаж, и вот она, уже скинув обувь, сидела в тишине в своем удобном кресле.

Через несколько минут зазвонил домофон. Вскоре в прихожей, чертыхаясь, возился с ботинками Артем — друг и сослуживец (впрочем, иногда и ходячая жилетка для утешения):

— Понять не могу, как люди могут быть такими мудаками!.. Ты помнишь Валерку Абрамова?

Алиса машинально кивнула, занятая своими мыслями.

— Этот хрен пустил слух, что я настоящий сутенер, при этом импотент, потому и занялся этим бизнесом — *компенсирую*. Да не просто слух пустил, а придумал целую легенду. А с тобой я, кстати, потому что ты моя лучшая, представь, эскортница.

Алиса вдруг очнулась и с улыбкой посмотрела на Артема:

— Серьезно?

— Серьезней некуда. Так убедительно рассказывает, что сам скоро поверю.

Алиса рассмеялась, громко и непринужденно.

— Вот это история! Я уже думала, так и проучусь никем незамеченная, а теперь — эскортница. — Она опять улыбнулась.

— Я такого веселья не испытываю. Не понимаю твоей реакции. Хочешь сказать, что тебя это не заботит совсем? Это же ре-пу-та-ци-я, потом же с этим жить.

— Репутация, хренпутация... Что с ней делать?

— А то, что сегодня репутация — это все: деньги, карьера, уважение. Знания не так важны, как репутация. Это же простые истины. Ты ведь знаешь, как относятся к разному такому у нас. Так можно враз стать маргиналом, а я не хочу.

— А сейчас ты хочешь сказать, что популярный?

— Да при чем тут это?! Я не популярный, но не изгой. Этого достаточно. Там уже дальше пусть все идет своим чередом. Но я не хочу окончить институт с клеймом «продавца кисок» и импотента, понимаешь?

— Не особо. Кому какое дело?

— Да всем! Слушай, не хочу спорить, особенно учитывая, что я не такой. Учитывая, что это попросту вранье.

— Хорошо-хорошо, успокойся! Чаю хочешь?

— Давай.

Они прошли на кухню. Алиса щелкнула кнопку на электрочайнике. Они уселись за стол, одной стороной приткнувшись к стене. Стеклопанель его поверхность была вся испещрена мелкими царапинами, которые стыдливо прикрывали бамбуковые циновки.

Алиса пристально посмотрела на Артема:

— Слушай, Тема, я иногда думаю, что это все не имеет смысла. Мне, например, все равно, кто что думает. Я даже не уверена, что кто-то вообще про меня думает. И репутация, про которую ты рассказываешь, не стоит ничего. Есть вещи, которые реально не позволят дальше жить в этом обществе. Не позволят общаться, быть понятой. От этого мне порою бывает грустно. Но ты серьезно думаешь, что мнение какого-то там задрота с челкой, как у йоркширского терьера, имеет какую-то силу и значимость? Да про какую репутацию ты рассказываешь? Репутацию можно испортить, если она есть, а у нас ее изначально не было!

— Ладно... — Артем примирительно махнул рукой, отхлебывая чай из большой кружки с рисунком пьяного кота в синих сапогах. — Я тебя понял. У тебя опять эти... панические атаки... или как там их?

— Бывают, — вздохнула Алиса и пожалела, что невольно напомнила приятелю о своих проблемах. Они пару раз обсуждали их, но стало понятно, что глупые советы успокоиться и не переживать от человека, который никогда ничего похожего не испытывал, не стоят и ломаного гроша.

— Я тебе сочувствую, но ты же знаешь, что это просто такие симптомы, они не приведут к дальнейшим проблемам. Ты сама мне так говорила.

Алиса задумчиво кивнула, вспомнив черного человека, который прятался за мусорным баком, а потом превратился в Леху. И почему-то зверски захотелось прямо сейчас встать и пойти узнать, существует ли Леха на самом деле. Убедиться, что такой живет на свете, что у него есть свои проблемы и свои желания. Что он не плод ее больного воображения...

— Алиса, ты здесь?

— Да-да... что ты говоришь?

— Я тебе занес конспект — ты просила. По вышке. В понедельник захвати с собой. Я поехал — хочу к Аньке заехать, буду доказывать, что я не импотент.

— А потом что? Принесешь доказательства?

— Молва все сделает за меня.

Они обнялись, и Артем шагнул в сгущающиеся сумерки. Алиса вспомнила, что не сказала о странной незнакомке на улице, и достала было телефон, но потом бросила его на кровать и задумчиво посмотрела в окно. Артем уже подходил к бетонной арке, вот-вот свернет за угол.

И тут Алиса замерла.

Рядом с ним, чуть ссутулившись, стояла зловещая черная фигура. И смотрела прямо на нее.

Глава 3. Флора

Опять не спалось. Голова взрывалась тысячами мыслей, а когда таковые заканчивались, то строчки из какой-нибудь дурацкой песни, услышанной по радио в такси, начинали повторяться сотни, тысячи раз по кругу, пока снова в голову не лезли ненужные мысли, — и так до бесконечности.

Алиса дотянулась до телефона. 2:33. Договорившись с собой попытаться заснуть еще на двадцать семь минут, она перевернулась на другой бок и отчаянно постаралась не думать ни о чем.

В этот момент послышался тихий, едва различимый шелест. Этот звук был ей знаком — так еле слышно к ней по ночам подбирался невидимый монстр, делая всего лишь один шаг, с каждой ночью становясь все ближе. По ее подсчетам, чтобы оказаться у кровати, ему хватило бы всего десяти шагов, но прошло уже больше месяца, а он так и не появился рядом, не схватил ее, не утащил в свою мрачную страну, откуда нет возврата.

А может, он уже давно сделал это? И теперь она живет в этом замкнутом круге, пребывая в глубокой депрессии, из которой нет выхода, потому что он забрал ее, а она ничего не почувствовала, лишь стала чаще просыпаться в четыре утра. Но нет. Шелест шагов говорил: он еще только подбирается. И когда доберется — все закончится.

Алиса вскочила, сердце ее колотилось, на лбу выступил холодный пот. Она подбежала к выключателю, шлепнула по нему, и комнату озарил белый светодиодный поток. Девушка вышла в коридор и там зажгла настенный светильник. Никого в коридоре не было ни видно, ни слышно, только громко пульсировало в висках.

Кажется, теперь ей надо было выпить четвертинку таблетки из тех транков, что по доброте душевной ей дала мама. Таблетку надо положить под язык... она должна положить ее под язык. Таблетка горькая, но такая обнадеживающая, она должна положить ее под язык...

Мысли вязли, тяжелые, неповоротливые, неправильные. Ночью все неправильно, если только ты не веселишься в компании друзей. Ночью все иначе. Вокруг — потусторонний мир. В нем нет места разумному подходу к решению проблем, есть только страх и безумие, безумие и страх.

Она должна положить таблетку под язык...

Привычная горечь во рту и стакан воды — это уже ритуал, один из многих, ставших за последнее время ее верными спутниками. Она сидела на кухне, глядя на смену цифр на микроволновой печи.

Сперва ей почудилось, что что-то стучит у нее в голове. Потом она поняла, что кто-то пришел. Может, ей все же показалось, потому что она вместо четвертинки положила под язык целую таблетку... Но она открыла дверь, не задумываясь, что в три часа ночи не ходят по квартирам с предложением установки высокоскоростного широкополосного интернета.

На пороге стояла та бесцеремонная незнакомка и смотрела на Алису, хмуря свои тонкие черные брови. Она молча зашла и захлопнула за собой дверь.

* * *

Солнце уже проникло в комнату и высвечивало синяки под глазами на лице Алисы. Она давно проснулась, но боялась открыть глаза. Рядом с кроватью, прямо на полу, завернувшись в плед, спала девушка, возле которой лежал меч в ножнах. Эту картину Алиса увидела лишь на мгновение, после чего сразу зажмурилась и решила не просыпаться, пока морок не развеется или девушка не уйдет.

Победил мочевой пузырь. Безжалостный диктатор, не признающий ни страха, ни гордости — он диктовал свою волю, презрительно отвергая все доводы рассудка. Алиса перебралась к торцу кровати и, стараясь максимально бесшумно перебраться через невысокую спинку, вышла, оставив комнату вместе со спящей в ней незнакомкой.

Когда туалетные процедуры были завершены, Алиса села на крышку унитаза и задумалась, как поступить дальше. Ночь выдалась настолько странная, что вчерашнее превращение черного человека в Леху уже не казалось чем-то сверхъестественным.

Когда гостя вошла, Алиса лишь смотрела, как та снимает плащ — черный, тяжелый. Девушка попросила одеяло, после чего положила рядом с собой плащ, меч, стянула юбку и улеглась на ковер рядом с кроватью, закутавшись в плед и подложив под голову декоративную подушку, которая попала под руку. И немедленно заснула.

Это было настолько сюрреалистично, что Алиса не успела ничего сказать, а потом сама поступила не менее странно. Она просто перешагнула через лежащую гостью, залезла в постель — и уснула. Впрочем, тут, возможно, сказалось действие лекарства.

Алиса со вздохом закрыла лицо руками: может, это побочное действие транков? Может, ее состояние и таблетки породили эту вымышленную гостью, которая теперь спит у ее кровати? А может, и не спит вовсе...

Собравшись с мыслями, она решилась выйти и расставить все точки над «і». Распахнув белую дверь со стеклянными гранеными вставками, она зашла в комнату и явно убедилась, что девушка есть. Что она лежит, раскинув волосы по ковру, обнажив длинную белую шею. Алиса невольно засмотрелась на спящую, и в этот момент та открыла глаза.

— Привет... — еще более низким голосом, чем вчера, проговорила гостя.

— Привет, — ответила Алиса уже без страха, скорее, обреченно. — Ты мне кажешься?

— Нет, — коротко, но без злобы ответила девушка.

— Как тебя зовут?

— Флора.

— А меня Алиса.

— Отлично. Есть еда?

— Да, но, может, сначала ответишь на пару вопросов? — набралась смелости Алиса.

— Нет, сначала еда.

Делать было нечего. Алиса не придумала, что возразить, и понуро побрела на кухню, думая, что даже вымышленные персонажи понукают ею как хотят.

Зажегся синий цветок горелки, и вскоре кухня наполнилась ароматом жареных яиц. Очень хотелось кофе, но она помнила, что ей не рекомендовали употреблять кофеин, поэтому пришлось довольствоваться черным чаем из пакетиков. Краем уха она слышала, что Флора устроила себе водные процедуры в ванной. Алиса даже почувствовала некоторое негодование такой бесцеремонностью, которое могло бы найти свой выход, если бы не робкая натура и острая социофобия, ставшая верной спутницей тревоги.

В тот момент, когда в своей голове Алиса голосом двухметрового Лехи спрашивала у Флоры, кто она и что тут забыла, в кухню вошла раскрасневшаяся виновница ночных приключений — босоногая, с мокрых волос ее на пол капала вода, вокруг тела было обернуто синее полотенце.

— Пахнет хорошо.

— Ну и отлично... — только и смогла выдавить Алиса и поставила на стол перед усевшейся девушкой тарелку с яичницей и чашку горячего чая.

— Это что? — Флора указала на чай.

— Чай.

— Понятно.

Сказав это, Флора придвинула тарелку и, схватив вилку, принялась жадно есть. Алиса села рядом, ковыряясь в своей тарелке и изредка отправляя в рот маленькие кусочки.

Когда с трапезой было покончено, Алиса вопросительно уставилась на Флору. Та вдруг сообщила:

— Я у тебя поживу какое-то время.

— Почему? — вопрос мог показаться глупым, но Алиса действительно хотела знать.

— Потому что мне нужно с тобой познакомиться поближе.

— Почему? — повторила Алиса.

— Ты мне напоминаешь одного человека.

При этих словах, как показалось Алисе, что-то промелькнуло на лице гостыи. До того ее лицо не выражало никаких эмоций — эта бесстрастность очень гармонировала со строгой красотой. Но в момент, когда она произнесла «одного человека», на лице ее промелькнула тень печали.

— Объясни мне, пожалуйста... — собрав все силы, начала Алиса. — Я тебе напоминаю одного человека — поэтому ты пришла ко мне в квартиру и собираешься тут жить. Будешь тут спать, есть, мыться, еще черт знает чем заниматься... — Алиса вспомнила про оружие, лежавшее на полу комнаты. — Я до сих пор не уверена, что ты не плод моего воображения. Но если это все же не так, если ты настоящая, то в какой, скажи мне, вселенной можно посреди

ночи прийти к совершенно незнакомому человеку и сказать, что будешь с ним жить? А если я не согласна?

— А ты не согласна? — Флора пристально посмотрела на собеседницу.

— Я... я не знаю, — вздохнула Алиса.

— Вот и хорошо, — кивнула Флора и встала из-за стола. — Я сейчас уйду, вернусь вечером — тогда и сможешь задать больше вопросов.

Флора встала, прошла в комнату, взяла ножны и, надев высокие сапоги, молча вышла из квартиры. Алиса же так и осталась сидеть, глядя на захлопнувшуюся дверь и думая, что нужно встать и пойти гуглить, есть ли такие формы сумасшествия, при которых к тебе приходят люди и говорят, что будут с тобой жить.

Глава 4. Контракт

— Еще раз: что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Ты должен прийти ко мне и убедиться.

— Не понял, в чем?

— Все ты понял!

Артем пристально смотрел на подругу, стоявшую посреди опустевших рядов парт. Матанализ закончился, студенты разошлись, а в воздухе так и остался витать абстрактный дух мира чисел.

— Да, я понял, — со вздохом протянул он. — Но мне не кажется, что это понимание приблизило меня хоть на чуть-чуть к принятию.

— К *принятию*.

— Да, к принятию, восприятию... какая разница. Ты что, всерьез хочешь сказать, что к тебе пришла незнакомая девушка и стала с тобой жить?

— Угу.

— И ты хочешь, чтобы я проверил, что она реально существует?

— Да.

— И как же? Ткнуть, что ли, ее палкой? Или, не знаю... посмотреть, отражается ли она в зеркале?

— Не нужно сарказма, она же не вампир. Просто скажи, что видишь ее. И слышишь, что она говорит. Спроси ее что-нибудь, чтобы она тебе ответила. Это же несложно.

— Вроде нет, — сдался Артем.

— Ну вот и отлично! Только пойдем прямо сейчас, вечером она уходит и возвращается, как правило, под утро, потом спит почти до обеда.

— Ночная бабочка, что ли?

— Не похоже.

— А на что похоже?

— На галлюцинацию, созданную безумным и в то же время гениальным разумом, запертым в черепной коробке страдающего подростка.

— Странная ты, Алиса.

— Не без этого.

Они вышли из института и направились к остановке. Прыгнули в первый попавшийся автобус, где нужный номер был выведен красным маркером на серой картонке. В автобусе было тесно и пахло дешевым одеколоном. Всю дорогу они молчали, глядя на пробегающий за окном урбанистический пейзаж. Серые дома следили за ними яркими аляповатыми вывесками. Когда черед однообразных улиц закончилась, автобус остановился, пассажиры высыпались из него, как горошины из стручков, и покатались в разных направлениях.

Подходя к дому, Алиса ощущала, как волнение поднимается волной. Прошло четыре дня, прежде чем она решилась рассказать Артему про Флору. Теперь же, подходя к дому, она все больше сомневалась в своем решении, переживая, как поведет себя Флора.

Алиса не могла сказать, что недовольна событиями, ворвавшимися без стука в ее тревожное, но привычное существование. Это было пугающе, но вместе с тем придавало какой-то новый смысл всему происходящему.

Флора была не от мира сего. Конечно, если она окажется плодом ее воображения, это бы многое объяснило. Но если она реальна... Таких людей Алиса еще не встречала. Даже в кино и книгах о таких не читала.

Флора всегда говорила прямо — и поступала так же. Можно было бы сказать «искренне», но это слово никак не подходило к ее безэмоциональному портрету. Она спала так крепко, что не реагировала даже на громкие звуки — словно Добрыня Никитич в мультфильме. Разбудить ее было решительно невозможно. Однажды ночью, пойдя пописать, Алиса в темноте споткнулась о соседку, упала, издала протяжный вой, а та даже не пошевелилась. Ела она как голодный мужик: много, молча и без разбора. При этом оставалась стройной, как кипарис, и невозможно было представить, что хоть что-то может прибавить ей лишний грамм.

Флора говорила редко, но если уж заговорит — то исключительно по делу, хотя нередко уходила от вопросов. При этом она не знала многих элементарных вещей, что нередко вызывало недоумение у Алисы. Однажды Алиса показала ей, как она узнает ту информацию, которая ей неизвестна. Флора очень заинтересовалась, но когда узнала, что эту информацию выдает браузер в смартфоне, тут же потеряла интерес и сказала, что не доверяет светящемуся экрану.

Книги ей понравились. Не все, но некоторые прямо затянули, и Алиса была готова поспорить, что когда они с Артемом зайдут, Флора будет держать в руках «Преступление и наказание» Федора Михайловича, которое вчера ее так захватило.

Алиса осторожно повернула ключ, и они с Артемом ввалились в прихожую, захлопнув за собой дверь. В квартире было тихо, и они, быстро скинув обувь и осторожно ступая, зашли в комнату. Посреди комнаты, совершенно обнаженная, в позе лотоса сидела Флора. Она медитировала, безмятежно положив руки на колени, с закрытыми глазами. На вошедших она не обратила ни малейшего внимания, продолжая свое трансцендентальное путешествие.

Артем оцепенел, уставившись на гибкое белоснежное тело. Флора сидела спиной, и он, не сводя взгляда с ее безупречно очерченных линий, лениво отмахивался от Алисы, безуспешно пытавшейся утащить его назад в прихожую. Сдавшись, Алиса схватила его за ухо и буквально выдернула из комнаты.

— Больно же! — зашипел на нее Артем.

— Судя по всему, ты ее видишь, — парировала Алиса, — и даже глаз оторвать не можешь.

— А ты что — ревнуешь? — с надеждой в голосе спросил вуайерист поневоле, растирая покрасневшее ухо.

— Да, — с улыбкой ответила Алиса, — но не тебя.

Несколько секунд до Артема доходило сказанное, а когда все-таки дошло, глаза его округлились, и он застонал:

— Только не говори, что ты...?!

— Нет, конечно, тут другое... — как-то невнятно возразила Алиса и тут же оборвала сама себя: — Слушай, ты мне очень помог, спасибо. А теперь разреши мне остаться одной. То есть не одной, но ты понял...

— Понял, чего уж тут непонятого, — раздосадовано отмахнулся парень. — Потом-то познакомишь, может?

— Обязательно, — бросила Алиса и, проведив отзывчивого гостя, захлопнула дверь.

Сейчас она могла думать только об одном: она не сумасшедшая, точнее, может, и да, но Флора существует в реальности. И Алиса вошла в комнату, намереваясь поговорить с Флорой начистоту.

Между тем гостя так и сидела неподвижно еще долгое время, и даже когда Алиса начала вокруг нее активно ходить и заниматься домашними делами, не пошевелилась и не подала вида, что замечает кого-то в комнате.

Находившись, Алиса уселась напротив Флоры и стала просто ждать, когда та откроет глаза. Когда это случилось, Алиса отметила, что будто и ее мысли начали течь как-то по-иному, ей даже почудилось, что она приобщилась к тайному ритуалу медитации.

— Привет, — с улыбкой сказала Алиса.

Флора кивнула в ответ и встала, чтобы одеться.

— Флора, нам нужно поговорить.

Девушка снова кивнула и уже в одежде уселась в падмасану, внимательно глядя на растерявшуюся Алису.

— Зачем ты пришла ко мне? — неожиданно для самой себя в лоб спросила хозяйка квартиры.

— Я тебя охраняю.

Глаза Алисы при этом округлились, а в голове началась ожесточенная борьба азарта продолжить допрос, потому что Флора, в кои-то веки, готова была раскрыть тайну своего присутствия, и желания сесть и потратить оставшийся вечер, обдумывая эту единственную фразу, поскольку в ней заключалось сразу столько всего важного и значимого для нее.

— От черных людей? — выпалила Алиса, сдавшись любопытству.

Флора ненадолго замялась, но затем уверенно кивнула:

— Да.

— Значит, они реальны?

Флора снова кивнула.

— Почему их никто не видит?

— Потому что ты отличаешься от остальных.

— Чем?

— Ты другая.

— А чего они от меня хотят?

— Хотят, чтобы ты пошла с ними.

— Сама, по своей воле? — догадалась Алиса.

— Да.

— А что будет, если я пойду?

— Ты окажешься в другом месте.

— В каком?

— В другом.

Алиса вновь отметила привычку гостя отвечать на вопрос прямо, но скупое. Это от скудности языковых способностей объяснить сложные вещи или от ограничений, предназначенных для нее, Алисы, понять было нельзя. И не пытаясь вести допрос методом повторения вопросов, на которые Флора отвечала рублеными фразами, Алиса переключалась на другие элементы пазла, рассчитывая недостающие фрагменты просто додумать.

— Куда ты уходишь ночью?

— Работа.

— Ты работаешь в сфере обслуживания? — спросила Алиса, тут же смутившись своего вопроса, но все же откровенно наблюдая за реакцией Флоры.

— Нет.

— А чем ты занимаешься?

— Выполняю условия контракта.

Поняв, что подробностей не будет, Алиса вновь переключилась:

— Зачем тебе сабля?

— Это катана — для работы.

— Ты убиваешь людей? — с неподдельным испугом спросила Алиса.

— Не совсем.

— Ты учишь кого-то?

— Нет.

Алиса поняла, что начинает заходить в тупик: вопросов становилось все больше, а собеседница явно уставала. Такую ситуацию она тоже наблюдала не раз — сейчас Флора остановится, потом несколько часов от нее ни слова не дождешься.

— Ты здесь надолго?

На этом вопросе Алиса вновь увидела промелькнувшую тень эмоции в глазах гостьи. Это было редкостью, но иногда случалось.

— Нет... — тихо произнесла Флора и поднялась с пола, давая понять, что разговор окончен, — выполню контракт и уйду.

— А кто тогда меня будет защищать?

Вопрос прозвучал уже в спину уходившей таинственной защитнице. Алиса знала, что та пошла на кухню есть. Потом она возьмет катану и уйдет в ночь.

С тех пор, как поселилась Флора, Алиса больше не слышала таинственных шагов и не видела черных людей. Так или иначе, защита Флоры действительно работала. Одно беспокоило Алису не на шутку: если все происходящее не плод ее воображения, то что это за бесовщина — черные люди, девушка с катаной, контракты? Облегчение от факта, что она не галлюцинирует, не наступило. Нужно было с этим что-то делать. Она твердо решила завтра сходить к единственному человеку, с которым можно было таким поделиться — к своему отцу.

Глава 5. Кофейня

Родители Алисы развелись, когда ей было двенадцать. Понимать друг друга они перестали гораздо раньше. Два чужих человека, живущих в одной квартире, изображающих брак ради детей и потому, что так было нужно. Смогли продержаться почти двадцать лет. Старшему ребенку исполнилось ровно восемнадцать, когда отец набрался смелости и высказал то, что уже давно было понятно им обоим:

— Пора нам разойтись, Надежда.

Надежда, тогда уже испытавшая на себе все признаки тревожного расстройства, посмотрела на него уставшим обеспокоенным взглядом и только спросила:

— Оставишь мне новый пылесос?

И он оставил. И пылесос, и квартиру с дачей. Снял однушку в центре и стал жить так, как всегда мечтал. Купил по объявлению электрогитару. Уволился с работы и стал работать таксистом на своей старенькой Шкоде Октавии. И впервые за много лет почувствовал себя — нет, не счастливым — он почувствовал себя живым. Живым настолько, что чувства разом захлестнули его.

Радость перемежалась с тоской по утраченным годам. Появилась какая-то робость перед завтрашним днем, и в то же время ни один день не казался хоть сколько-то важным. И эту робость он списал на свою растерянность. Можно было жить — свободно, независимо... Но стоило ли? Эти мысли оставляли морщины на лбу и под глазами, а взгляд становился отстраненным, старческим.

Детей он любил, время от времени встречался с ними или звонил. При этом, не забывая раздать им отеческие, зачастую ненужные, советы, и показать Алисе новый разученный

гитарный рифф. Классика тяжелого рока была его страстью, и в свое время он бережно передал ее дочери. А теперь она стала затычкой в его пожелтевшей ванной, до краев наполненной ностальгическими воспоминаниями.

С Алисой у них с самого детства сложились доверительные отношения, которые, впрочем, нельзя было назвать близкими. Скорее это было спокойное рассудительное здоровое общение двух родных людей без претензии на чрезмерную эмоциональную близость. Вместе с тем, Алиса всегда знала, что если в жизни случается нестандартная ситуация, можно рассказать об этом папе, который, если и не поможет ее решить, то хотя бы поддержит морально.

Белая «Шкода» плавно подъехала к подъезду. В машину села невысокая черноволосая девушка. Ее нельзя было назвать красивой, но живые глаза на круглом лице умели очаровать. У глаз этих также была интересная особенность: могло показаться, что они должны излучать оптимизм и наивную радость, но вместо этого в них была задумчивая меланхолия, отчего лицо девушки казалось загадочным, словно скрывало какую-то тайну. Широкий рот тронулся улыбкой, когда она села в машину с яркой наклейкой «Такси» на двери. Впрочем, улыбка была недолгой и после быстрых некрепких объятий лицо стало серьезным.

— Пап, мне нужно тебе одну историю рассказать.

— Как же без этого, — улыбнулся мужчина, на вид ему было лет пятьдесят пять. На его лысеющей голове примостилась шляпа-блинчик бежевого цвета в черную крапинку. Одет он был в джинсы и синее поло с изображением в стиле поп-арт: Фредди Меркьюри со стойкой микрофона в руках. Такой наряд, вкупе с небритым одутловатым лицом вызывал у пассажиров образ чудака — инфантильного и немного жалкого.

— У меня тут ситуация... — неловко начала Алиса.

— Давай в кофейню. Возьмем кофе — расскажешь.

Кофейня находилась в центре города, на пересечении улиц Ленина и Красной армии. Это было прямоугольное здание со стеклянными стенами и двумя входами-выходами. Купив по чашке ароматного кофе — один стаканчик покрепче, а другой без кофеина — они присели за один из свободных столиков и Алиса, сделав большой глоток, начала свой рассказ.

Кроме случая с голой медитацией и Артемом, и, пожалуй, своих чувств к Флоре, которые она сама еще затруднялась определить, Алиса рассказала все, что случилось в ее жизни за последние несколько дней.

Папа выслушал ее основательно. Не перебивал и лишь изредка округлял глаза или качал головой, но всегда делал это в такт повествованию, поэтому Алису это не сбивало.

В какой-то момент колокольчик на входной двери дзинькнул, и внутрь павильона вошел грязный, весь в лохмотьях, мальчуган лет девяти с нечесаной головой и в огромных, не по размеру, тяжелых ботинках. Он внимательно оглядел присутствующих и не спеша двинулся к Алисе и ее отцу, ничуть не смущаясь растерянных взглядов посетителей. Мальчик подошел к их столику и протянул руку — грязную, с обгрызенными ногтями и хриплым голосом, совсем не соответствующим его возрасту, проговорил:

— Дайте на хлебушек, сколько не жалко.

Алиса старалась не смотреть на попрошайку. Не потому, что он вызывал брезгливость или отвращение, но потому что никогда не знала, как вести себя в таких случаях. Наличных денег у нее, как правило, не было, и она не понимала, нужно это объяснять просящему или нет. Алиса всегда чувствовала себя в таких случаях максимально некомфортно: ее социофобия смешивалась с каким-то невнятным чувством вины перед человеком, у которого были настоящие проблемы. Но это чувство вины не побуждало как-то загладить его, а скорее вгоняло в ступор и не давало возможности принять хоть какое-то решение. От этого она смущалась, не находила, что ответить и, казалось, стыдилась сама себя, растерянно глядя в любом направлении, не связанном с ее невольным обличителем.

Александр Евгеньевич спокойно достал из заднего кармана джинсов мятую стершуюся купюру и протянул попрошайке. Рука тут же сомкнулась на купюре, на лице появилось подобие улыбки, и грязь сформировала концентрические круги, расходящиеся от щербатого рта.

Тут прищельца заметила бариста и, громко крикнув что-то вроде «Если не будете заказывать, выйдите, пожалуйста, из помещения!», проследила глазами за провинившимся оборванцем.

Этот случай, прервавший складное повествование Алисы, внес ноту малозначительности в ее рассказ. В какой-то момент ей стало очевидно, что она переживает за совершенно глупую несущественную ерунду. Она показалась себе несчастной. Но не потому, что мальчик испортил ее рассказ, а потому, что серьезность ее переживаний оказалась лишь пылью на грязных лацканах стеганой куртки. И пыль эту хотелось смахнуть, но было нельзя.

В то же самое время Александр Евгеньевич грустно посмотрел на дочь и совершенно спокойным голосом произнес:

— Я верю всему, что ты рассказала. В жизни всякое бывает. Если хочешь знать мое мнение, то просто посмотри, что будет дальше. Скажи, ты ходила к доктору, к которому тебя мама записала?

— Он никакой не доктор! Просто бестолковый старикашка! — в сердцах выпалила Алиса, на глазах превращаясь в ребенка, который злится на родителя только за то, что тот не верит, что он уже взрослый.

— Значит, ходила, — спокойно кивнул отец. — Договорились о новой встрече?

— Нет, не договорились! Не будет никакой новой встречи. Зачем ты стал про него спрашивать, думаешь, это мои проблемы так на меня влияют? Я же тебе говорю, я все перепроверила. Девушка эта существует, черные люди тоже существуют. Я проверяла, приглашала Артема, он подтвердил.

— Он тоже их видит? — с грустной улыбкой спросил отец.

— Нет, — уже спокойно ответила Алиса. — Но Флору он видел. Может, и тебя с ней познакомить?

— Да, было бы здорово. В воскресенье заскочу на чай.

Говорить больше не хотелось.

Сидя на переднем сиденье «Шкоды» Алиса смотрела на отца и вдруг заметила, как он постарел. Раньше она не замечала этого, но теперь в его глазах отражалась усталость, такая очевидная, неприкрытая. Улыбка не разгоняла это ощущение, а наоборот, усиливала его. Так не улыбается человек, который еще на что-то надеется.

Ей вдруг стало стыдно: за последние годы она ни разу не спросила, как он. Какие у него планы и сложности в жизни, как он справляется с одиночеством, о чем мечтает, если мечты не оставили его лысеющую голову. Человек, уверенно крутящий руль, показался ей растерянным. Впервые она подумала, что ее состояние пугает его, и что он держится ради нее, но не знает, как поступить, не знает, как ей помочь, а вернее всего, просто боится за нее.

— Пап, — негромко сказала Алиса.

— Что, солнышко?

— То, что я тебе рассказала... Знаешь, меня это не сильно беспокоит. В целом у меня все хорошо, я просто иногда бываю рассеянной.

Отец повернулся к ней и молча кивнул.

— А как у тебя дела, чем ты после работы занимаешься?

— Я? — задумчиво глядя на загоревшийся зеленый сигнал светофора, вопросом на вопрос ответил отец. — Да ничем особо, телевизор смотрю, музыку слушаю. А хотя, ты знаешь, я стал чаще просто прогуливаться, без особой цели. Вот, думаю, может, собаку завести?

— Было бы здорово, — с неподдельным восторгом ответила Алиса, — а какую породу?

— Как в «Маске» хочу, — он улыбнулся, — как там ее?

— Джек-рассел-терьер!

— Точно!

Они подъехали к подъезду, и Алиса, обняв на прощание отца, вышла из машины, твердо намереваясь заняться поиском щенка в самое ближайшее время. Машина мигнула аварийкой и скрылась за поворотом. Солнце стояло в зените, заливая двор ярким оранжевым светом.

Алиса долго смотрела в том направлении, куда скрылась машина. В сердце колючей иглой засела тягостная тревога — не то обычная ее спутница, без причин посещавшая ее время от времени, не то обоснованная, но которой пока не было применения. Алиса поняла, что времена, когда родители могли помочь ей выбраться из сложных жизненных ситуаций, закончились, и наступает пора, когда нужно самой думать, как решать свои проблемы. Чувство это было неприятное и в то же время приносило какое-то облегчение, словно можно было теперь спокойней отнестись к неправильным своим мыслям, попробовать принять их и даже, может быть, не осуждать себя за них.

Алиса развернулась. Расправила плечи. Уверенно зашагала домой.

Глава 6. Вам нужно уйти

За окном шел дождь. Самый настоящий, с громом и молнией. Вспышки озаряли небосвод, заливая комнатный полумрак ярким металлическим светом. Флора сидела на полу, скрестив ноги — в позе лотоса, как называла это Алиса. Смотрела прямо перед собой, глаза ее были полузакрыты. Алиса знала, что лучше ее в такие минуты не беспокоить. Ни о чем не спрашивать, не звать перекусить, не сообщать о своих планах, а лучше вообще никаким образом с ней не взаимодействовать. Сгорая от любопытства, Алиса отсчитывала минуты, ожидая момента, когда сможет расспросить Флору. После своих медитаций она становилась разговорчивее.

Устав от томительного ожидания, Алиса решила выйти на улицу, чтобы дождь намочил ее волосы. Так они делали с отцом в ее далеком детстве. Называлось это «в омут с головой». Нужен был хороший ливень — только тогда это по-настоящему можно было назвать омутом. В эту ночь был подходящий. В тапках на босу ногу, в пижаме и легкой куртке, она вышла в подъезд.

Спустившись на первый этаж, Алиса расслышала резкие крики, но по какой-то причине не придала им значения. Беспечно открыв дверь и глядя на стену дождя, она еще улыбалась, когда рядом с ней с грохотом упало тело. Упало некрасиво, неправильно, вывернув руки и врезавшись в бетонную отмостку крыльца. Не успев выйти под самый ливень, Алиса широко раскрытыми глазами уставилась на человека, который, к ее немалому удивлению, стал подниматься.

Он неловко сел, и Алиса, сквозь ссадины и кровоподтеки, разглядела Леху. Того самого, который несколько дней назад встретился ей у мусорных баков. Опешив от происходящего, Алиса не заметила, что поодаль стоят трое мужчин. Двое с черными, как смоль, бородами, по которым стекали струи воды, в черных шапках на макушках и спортивных костюмах. А один, самый высокий из них, в длинном бежевом пальто с меховым воротником, абсолютно лысый с заплывшим глазом и опухшими губами.

— Пшла отсюда! — отмахнулся Лысый от застывшей Алисы и вплотную подошел к так и не сумевшему до конца подняться Лехе.

Приказ прозвучал резко, угрожающе. Алиса вжала голову в плечи и даже ненадолго зажмурилась. Но не ушла. Встала рядом с поверженным парнем и сказала тихо, но уверенно:

— Пойдем домой.

Лысый потянул ее за рукав. Взгляд его изменился. В Алисе он увидел совершенное оружие мести. Превращать в кровавое месиво поганого ублюдка, который посмел ему ответить, было приятно, но он понимал, что рано или поздно тот отрубится и не прочувствует всю соль

сатисфакции. Но вот нарисовалась пигалица. Кто это: жена? Не похоже. Подруга. Вполне согдится. И пока даже одним глазом этот ублюдок сможет смотреть, уж он покажет на кого обсос поднял руку.

— Сюда иди! — Лысый резко притянул Алису к себе, вытаскивая ее под холодные струи осеннего дождя.

Двое бородачей уже обходили Алису с боков. Слышно было, как завозился Леха, снова пытаясь встать, но один из помощников, практически не глядя, пнул его ногой в голову и парень повалился на асфальт, скатившись с крыльца.

Алиса даже не пыталась кричать. Она словно оцепенела. Не верилось в происходящее, не хотелось верить. Вот грубая рука стянула с нее куртку. Вот рвется ночнушка и она стоит голая по пояс в окружении насмехающихся рож. Сквозь рев дождя доносится низкий голос Флоры:

— Вам нужно уйти.

Уверенный голос, который проникает в сознание Алисы. Через шум, через страх, через темноту. Голос успокаивает.

Лысый расхохотался:

— Еще одна! Да у вас тут целый курятник.

Двое бородачей не сговариваясь, поворачиваются к Флоре. Алиса смотрит прямо на нее, трясясь от холода и унижения. Ей кажется, что сейчас ее жизнь закончится. Их растерзают прямо тут, у подъезда ее квартиры. В эту замечательную дождливую ночь.

Полностью беспомощная, она не пыталась ни бежать, ни вырваться, ни — что страшнее — кинуться на защиту Флоры. Алиса уже представила, как грубая волосатая рука хватается пепельные волосы и швыряет в соседнюю лужу. Но вышло иначе.

Блеснул серебряным отливом клинок, неуловимым движением выхваченный из ножен. Нападавшие остановились, замерли. Один из них полез во внутренний карман куртки, чтобы достать последний аргумент в таких спорах — черный пистолет, на стволе которого красовалась надпись «Walther P99». Но пистолет так и не заговорил — через мгновение кисть с зажатым в ней оружием уже валялась на мокром асфальте

До этого молчавший бородач взвыл сиплым голосом и схватился за запястье, бестолково пытаясь остановить льющийся поток уходящей жизни. Его подельники стушевались и от удивленного, и от того, что Флора вновь спокойным голосом проговорила:

— Вам нужно уйти.

Заговорил Лысый. Тон его изменился, но в голосе чувствовалась та же надменная жесткость.

— У тебя красивая катана девочка. Давай, ты отдашь ее мне?

Флора смотрела на него испытующе, не предпринимая никаких действий. Затем она перевела взгляд на Алису, и кивком головы указала себе за спину. Алиса подобрала мокрую одежду, надела куртку. Рваную верхнюю часть пижамы засунула в карман. Затем медленно пошла к Флоре, пользуясь тем, что взгляды нападавших были сосредоточены на ней.

Видимо посчитав, что сейчас самое время, второй бородач кинулся на Флору с явным намерением свалить хрупкую девушку на землю, отобрать злосчастный меч, а затем уже вести переговоры с учетом доминирующего положения. Такие были мысли у сильного крепкого мужчины или нет, в любом случае сбыться им было не суждено. Со стороны могло показаться, что он просто промахнулся мимо цели и полетел в кусты рядом с подъездом. Может быть, так и было, но отсутствие нескольких фаланг на левой кисти порождали на этот счет определенные сомнения.

Воспользовавшись неуклюжим маневром своего коллеги, Лысый, уверенный в своей скорости, метнулся за пазуху, но когда сверкнула вороненая сталь последнего аргумента, в горло ему упирался скошенный кончик холодного металла. Отдавая должное противнику, он не спеша убрал пистолет обратно, развел руки в стороны, развернулся и исчез в ночи.

Подобрав свою кисть, с зажатым в ней вальтером, продолжая глухо стонать, бородач остервенело поглядел на невесту откуда взявшуюся заступницу и, пошатываясь, заковылял следом за своим патроном. Второго в кустах уже видно не было — видно, сбежал еще раньше.

Флора достала бордовый кусок ветоши и не спеша вытерла мокрое от дождя и крови лезвие. Алиса уже пришла в себя и подошла к Лехе, который был в сознании, но не до конца понимал причину своего спасения. Из носа сильным потоком текла кровь, губы были разбиты, по левой щеке растекались длинные кровавые борозды с кусочками гравия. Волосы спутались и были липкие. Алиса помогла ему подняться и, придерживая его одной рукой, а второй запахивая куртку, у которой была сломана молния, пошла в квартиру, в тепло и уют безопасных стен.

— Нужно забрать пальцы, — чуть слышно произнесла Алиса, остановившись. Сказала как-то буднично, и сама улыбнулась своей беспечности. Леха вопросительно поглядел на нее.

— Пальцы остались. Руку тот забрал, а второй пальцы не забрал. Чтобы вопросов не было у соседей.

Флора помахала, что уже нашла то, что нужно и можно идти. Они поднялись по ступеням на третий этаж и захлопнули дверь, отгораживаясь от дождливого мира мрачных напастей.

Алиса переделалась в чистую сухую одежду и поставила на кухне чайник. Леху отправили умываться в ванную, предварительно снабдив бутылкой перекиси водорода, обоймой ватных тампонов и бинтами. Флора, которая промокла меньше всех, убрала в угол ножны и уселась на пол с книгой. На этот раз это был «Заводной апельсин» Берджесса. Флора читала быстро, и книги в доме стремительно заканчивались.

Из кухни донесся запах свежесваренного кофе — единственное, чем можно было соблазнить Флору. Леха вышел из ванной, помятый, но уже не такой страшный. Все трое уселись за кухонным столом. Алексей с Алисой за пухлыми кружками чая с бергамотом, Флора крепко сжимала в руках чашку ароматного кофе. Алиса сделала бутерброды с сыром. Какое-то время все молчали. Первой заговорила Алиса:

— Флора, ты обещала рассказать мне после медитации. То, что случилось... эм, на улице — может, это тоже можно будет объяснить?

— Может, и можно, — с неохотой отозвалась Флора.

— Ну уж нет! Ты обещала! Я все понимаю, но я очень долго ждала. Пожалуйста, ответь на вопросы.

Алиса с надеждой смотрела на Флору, одновременно с участием поглядывая на Леху. Ситуация была драматичной, но в то же время такой нереальной, что мозг отказывался впадать в сочувственную кому.

Флора вздохнула.

— Какие вопросы?

— Начнем с главного: откуда ты?

— Я из Ша, — это такой мир, как ваш, только другой.

— Чем он отличается?

— Много чем. Всего не рассказать.

— На каком языке там говорят?

— В каком смысле?

— Мы сейчас говорим на русском, в нашем мире еще сотни языков. Ты говоришь как носитель. У вас там что — все русские?

— Нет, — задумчиво произнесла Флора, — я даже не знаю. Мы там разговариваем все на одном. Когда я попала сюда, то, видимо, мне подобрали ваш язык.

— Кто подобрал?

— Я не знаю, может, акены.

— Это кто?

— Акены — паромщики.

Алиса, уже знакомая с манерами Флоры, поспешила сменить тему, пока та не замолчала совсем.

— Они тебя сюда для чего-то направили?

— И да, и нет. Это я попросила. Мне нужно... — Тут Флора запнулась и голос ее слегка дрогнул — мне нужно было... сюда. Но чтобы попасть, мне необходимо взять контракт. Такие условия.

— Поэтому ты уходишь каждую ночь на свои прогулки?

— Не каждую.

— Почти каждую! А в последнее время — так точно каждую, без перерывов. Ты не устаеть?

— Бывает.

— Ты убиваешь людей?

— Нет.

— Знаю, знаю, я уже спрашивала. Но ты можешь убить человека при необходимости?

— Могу.

— Я поняла. Там на улице... ты хотела убить этих троих?

Флора улыбнулась, но одними губами, глаза ее оставались уставшими и немного грустными.

— Я Младшая Сестра, надсмотрщица Целлара. Если я хочу убить — никто не уходит, зажав в руке отрубленную кисть.

— Понятно, ты их просто испугала?

— Можно и так сказать.

Леха, до этого молчавший, прокашлялся и посмотрел на Флору.

— Ты ему кисть отрубила? — Голос его был сильным и натужным.

— Да.

— А другому два пальца, — подхватила Алиса. — А кто это был?

Вопрос, очевидно, предназначался Лехе. Тот было открыл рот, но Алиса, тут же сообразив, что сейчас последует рассказ и не желая упустить ни малейшей возможности допросить Флору, тут же прервала его:

— Одну минуту. Расскажешь чуть позже, у меня тут еще пара вопросов. Почему ты пришла ко мне?

Снова на лице Флоры промелькнула знакомая тень какой-то далекой скорби. Алиса замечала ее каждый раз, когда задавала вопрос о себе, но никогда не могла понять, с чем связана такая реакция. Она не умела прочитать скрытых эмоций, хотя интуитивно ощущала, что в них-то и кроется ответ на главный вопрос.

— Ты мне напоминаешь кое-кого.

— Значит, ты поэтому меня защищаешь?

— Да.

— Это твоя миссия?

Флора задумалась, но, очевидно, желая подставить мишень под размашистые ковбойские выстрелы Алисы, сказала:

— Все так. Но чтобы выполнять эту миссию я должна заключить контракт с акенами.

— Контракт на что?

— На изгнание из вашего мира некоторых существей.

— Что такое существей?

— Демонические существей.

Глаза Алисы округлились.

— Так вот куда ты по ночам ходишь! Значит, ты охотишься на демонов?

— Можно сказать и так.

— Расскажи поподробней.

— На сегодня хватит. Лучше не торопиться. Раскрытие деталей сейчас только еще больше тебя запутает. Но... — она запнулась, — возможно, нам придется уйти в скором времени.

— Нам?

— Да.

— Я готова, — озорно сказала Алиса, и в шутку кивнула на парня, — а ему?

Флора равнодушно посмотрела на помятое лицо Алексея. Тот попытался пошутить:

— Я тоже... готов.

Вышло неважно, но обстановка располагала к любым способам ее разрядить и Алиса с Лехой рассмеялись, и даже Флора слегка улыбнулась в свойственной ей манере.

Уже захлопнулась дверь за Флорой, когда Леха, сев в кресло в комнате, поведал Алисе свою нескладную историю. Оказалось, он взялся за новую халтуру: нужно было кое-кому кое-что построить. Но подрядчик не сказал, что с заказчиком у него давний конфликт по поводу сроков и денег, которые тот уже давно получил и в немалом размере. Как-то глупо стрелки перевелись сначала на бригаду, в которой трудился Леха, а потом и на самого Леху, как самого дерзкого.

Ситуация осложнилась тем, что квартира, которую снимал Леха, была в собственности у приятеля заказчика. Вот по его душу и пришли «спецагенты». Возможно, дело бы обошлось разговорами, но Леха по давней своей привычке после нескольких грубых фраз «прописал двоечку» лысому переговорщику. После чего случилась потасовка, в результате которой он и оказался у подъезда Алисы. В квартиру, стало быть, возвращаться пока нельзя, да и на улицу после всех событий выходить было как-то боязно.

Раздав все необходимое для сна на полу и обрисовав правила проживания, Алиса улеглась в кровать и, подумав, что такими темпами в ее однокомнатной квартире быстро станет тесно, заснула крепким спокойным сном.

Глава 7. Беззащитные

Осень вступала в свои права: рассыпала яркие краски, но взамен забирала все больше жизни. Робкие березы и спесивые клены сначала желтели, не желая замечать перемен, а потом краснели, стыдясь своей беспечности. Величественные сосны равнодушно глядели на собратьев, каждый год надеющихся на чудо. Они бросали шишки в прохожих, как будто приглашая полюбоваться своей непоколебимой статью, и щедро осыпали дорожки колючими зелеными иголками. В осенней симфонии городского парка Алиса задумчиво всматривалась в конец аллеи. Она приходила сюда не в первый раз, надеясь встретить Флору.

В институт она не ходила: очень плохо спала, и только Леха, так и оставшийся жить в ее квартире, поддерживал в ней силы, не давая впасть в отчаяние. В наушниках играли одни только рок-баллады, усиливая меланхолию.

Несколько дней назад, в очередную бессонную ночь, между двумя и тремя часами, она вновь услышала знакомый шаг невидимого гостя. Такой же мрачный и неотвратимый, как и прежде. Алиса заплакала и не могла остановиться до самого утра.

Утром сосед заварил ей чаю и попытался, как умел, сказать ободряющие слова. Получилось не очень хорошо. Но когда рослый суровый мужик пытается подбирать ободряющие слова, это всегда вызывает умиление. Алиса успокоилась, но рассказывать причину своих ночных переживаний не стала. Обмолвилась лишь, что ей очень не хватает Флоры. Леха понимающе кивал, не совсем, впрочем, осознавая, кто она для Алисы, и в каких они отношениях.

Лицо у Лехи практически зажило, но оказались сломаны ребра. Несмотря на это, физически он чувствовал себя неплохо и постепенно восстанавливался. В старую квартиру он так

и не вернулся, опасаясь засады. Из дома практически не выходил. Нахлебником быть не хотелось, и на пропитание он тратил последние крохи наличных денег, оставшиеся во внутреннем кармане спортивной куртки, которая, к слову, была порвана в нескольких местах. Алиса честно пыталась ее зашить, но из этой затеи ничего не вышло. В общем, с одеждой на осень и предстоящую зиму нужно было что-то решать. Да и в целом что-то нужно было решать.

Эта вынужденная пауза — выпадение из своей сине-белой зебры, заставила Леху по-новому взглянуть на свою жизнь. Скоро ему должно было исполниться тридцать три года. За плечами беспокойная жизнь, разочаровывающая своей откровенной бессмысленностью.

Самое печальное, что в этой жизни не было людей, которых Леха считал по-настоящему близкими. Раньше он так думал о сослуживцах, но в последнее время стал понимать, что не будь службы, он никогда бы не стал общаться с этими людьми.

Впрочем, во хмелю он был готов общаться со всеми. Он понимал, что многие дорожат его знакомством, но только, когда надо было разобраться с неприятностями — физическими неприятностями. Для других людей он, как правило, был сильным большим человеком, способным без лишних разговоров доходчиво, с помощью кулаков, объяснить плохим людям, что такое справедливость.

Так получилось и в этот раз. Только вышло, что теперь ему объяснили, и объяснили очень доходчиво. Если бы не две девушки, появившиеся ниоткуда, лежать бы ему сейчас в больничке и пускать слюни на подушку. Получалась будто вторая жизнь, новый шанс. Но радости от этого не было. Начинать новую жизнь казалось поздно, а старая претила. Было тошно от этой неопределенности. Хотелось не думать о настоящем, а в будущее не заглядывать.

К Алисе он относился, как к младшей сестре, которой у него никогда не было. Что делать он не понимал, но остановился на простой формуле: забота и терпение. Он видел, что с девочкой происходит что-то неладное, особенно после того, как не вернулась с очередной ночной прогулки Флора.

Флора. Это действительно была необычная личность. Амазонка, как про себя окрестил ее Леха. Его самого она не замечала. Казалось, она была погружена в себя, и мир вокруг ее не занимал. Но иногда он подмечал, как Флора смотрела на Алису, и тогда становилось понятно, что равнодушие это касалось не всего.

В какое-то время Леха был уверен, что девушек связывают любовные отношения. Этот факт немного его озадачил, поскольку сам он был приверженцем традиционных ценностей. На проверку любовь двух девушек, особенно при ближайшем рассмотрении, не была ни отвратительной, ни противоестественной. Но вскоре он понял, что романтических отношений между девушками нет, и успокоился окончательно.

Леха понимал, что Флора не вписывается в нормальные рамки. Одна мысль, что она справилась с тремя вооруженными «солдатами» не давала спокойно смотреть, как это хрупкое тело спит утром, укутавшись в плед после очередной ночной вылазки. Хотелось растормошить ее и вывести на чистую воду. Расспросить, кто она такая на самом деле.

Куда она ходила и зачем, Леха не знал. Спрашивать было неловко, да и, судя по тому, как пыталась ее каждый вечер Алиса, он бы ничего не узнал. Тот диалог дождливым вечером Леха помнил с трудом, но то, что он помнил, казалось ему выдумкой. Он стал в последние дни тихим, не похожим на себя. Время, проведенное без работы и алкоголя, сыграло с ним злую шутку: заставило остановиться и посмотреть на себя долго и очень пристально. И то, что он увидел, вначале не понравилось ему, потом заставило задуматься, а после он впал в какое-то растерянное состояние, в котором и пребывал в день, когда Флора не вернулась.

Если бы на это не обратила внимания Алиса, то, возможно, он даже и не заметил бы. Учитывая образ жизни Флоры и то, что она никогда ни с кем не обсуждала, когда ей приходится и когда уходить — отсутствие ее, спящей рядом с кроватью Алисы, не насторожило Алексея.

— Мне нужно пойти поискать Флору, — сказала Алиса.

Леха спокойно посмотрел на девушку, отхлебнул из кружки и пожал плечами.

— Я знаю, что ты не выходишь — я схожу одна. Продукты в холодильнике еще есть.

С этого дня каждое утро она уходила и возвращалась к обеду, потом молча ела и снова уходила уже до ночи. Так прошло несколько дней, пока однажды в дверь не позвонили.

Алиса сорвалась с места, на ходу задев ножку стола мизинцем. Не чувствуя боли и не обращая внимания на охнувшего Леху, на которого выплеснулся горячий чай, она рывком открыла дверь, даже не удосужившись посмотреть в глазок или спросить «кто там».

На пороге стоял черноволосый мужчина лет пятидесяти с седыми висками и серыми пятнами глаз, глядящих пристально и колюче. На нем была дубленая куртка из бычьей кожи, на руках черные перчатки. На ногах остроносые туфли с блестящими пряжками и темно-синие джинсы. Он бесцеремонно распахнул дверь и, не дожидаясь приглашения, шагнул внутрь. Затем также молча закрыл ее и приглашающим жестом приказал Алисе пройти с ним на кухню.

Когда Алиса, не споря, заняла свое место, а незваный гость налил себе воды и уселся на пустующий стул, предназначавшийся Флоре, в кухне воцарилась гнетущая атмосфера надвигающегося конфликта. Но конфликта не последовало. Гость заговорил спокойно, скрипучим, как несмазанные дверные петли, голосом.

— Иван Разумов. Как зовут вас, я знаю. Чем живете, тоже знаю. Не знаю только про вторую мадам, ничего. — Он сделал многозначительную паузу. — Вы мне сейчас все расскажете.

Ни Леха, ни Алиса не сомневались: если Иван Разумов захочет, они расскажут все. Но в маленькой кухне, ставшей вдруг особенно тесной, воцарилась гробовая тишина.

Гость неспешно достал из кармана сигареты, щелкнул металлической зажигалкой. Воздух наполнился едким табачным дымом. Алиса открыла форточку и снова опустилась на стул, даже не пытаясь остановить мужчину. Иван стряхнул пепел в недопитый чай в кружке и снова заговорил:

— Ты, — он указал средним пальцем на Леху. — Возьми свой заработок.

Небрежно швырнув на стол несколько тысячных купюр, он почесал щетинистую скулу и вперился взглядом в Алису.

— Ты, — теперь палец, с нанизанной на него печаткой указывал на Алису. — Расскажи про свою подругу.

Алиса молчала. Гость как-то странно хмыкнул и, поднеся к губам кружку, смачно плюнул в смесь из чая и пепла. Затем выкинул туда окурочек, который резко зашипел и, погаснув, остался плавать в мутной жиже.

— К вам у меня претензий нет, почти. — Он с презрением глянул на Леху. — Но твоя подружка покалечила близких мне людей. Хороших, правильных людей.

Словно предвидя вопросы, он просипел:

— Они не пришли сюда, потому что такой порядок. Даю вам три дня. Потом вернусь. Мне нужна девочка. Можете просто мне ее передать, можете сказать, где она. Но вы должны это сделать. — Он указал на часы, намекая на срок. При слове должны, голос скрипнул особенно сильно, а глаза сделались острыми, как ножи.

По щекам Алисы текли слезы, но она изо всех сил старалась не выдать страха. Оттого, что этот человек ищет Флору. Оттого, что огромный Леха сидит тише воды, ниже травы и не смеет шелохнуться при этом человеке, и еще оттого, что все это происходит на самом деле. Что люди эти настоящие и угрозы их настоящие. Что тут не поможет ни психолог, ни «Алпразолам», и даже к папе с таким не пойдешь.

Иван резко встал, не глядя на них, вышел, оставив дверь нараспашку.

Как только дверь захлопнулась, Алиса не выдержала — разрыдалась. Громко, не закрывая лицо и не стесняясь всхлипываний. Леха не стал ее утешать. Просто обнял за плечи и молча сидел рядом. За окном светало. Скучные лучи осеннего солнца освещали двух людей, оставшихся один на один с надвигающейся бедой.

Глава 8. Решение

— С появлением Флоры я почти не принимала таблетки, меньше тревожилась и, наконец, стала спать по ночам. И, знаешь, мне даже казалось, что я снова могу стать нормальной.

Они сидели на кухне. На столе лежала пустая пачка «Алпразолама». Леха с досадой посмотрел на Алису и снова спросил:

— Может, ему все-таки не стоит приезжать?

— Я ему говорила много раз. Сначала сказала, что заболела. Он у меня еще тот ипохондрик, поэтому согласился не приезжать. Но уже прошла неделя. Он понимает, что со мной что-то не так. Сказал, приедет, даже если я чумой заболела. — Алиса вяло улыбнулась.

— Я к тому, что его бы не хотелось в это впутывать.

Алиса вздохнула, соглашаясь.

В злосчастный день прихода к ним Ивана Разумова, к вечеру, ей позвонили одновременно Артем и отец. Александр Евгеньевич извинялся, что забыл о своем обещании заехать к дочери, и предложил завтра утром попить чаю вместе с Алисой и ее новой подружкой.

Артем же просто в лоб заявил, что не понимает, что с ней случилось. Она не ходит на занятия, ведет себя странно, а значит, его приход к ней обязателен, и отказ он не принимает. И если с отцом Алиса договорилась отложить встречу на пару недель, то Артем, спустя неделю, ничего уже слышать не хотел.

Леха был прав: втягивать в эти проблемы Артема ужасно не хотелось. Но где-то глубоко внутри она была рада, что он приедет. Да, в отличие от Лехи, который, пусть и стусевался при посещении их Иваном, но при этом мог постоять и за нее, и за себя, Артем не годился на роль защитника. Но его природный оптимизм и какая-то простодушная энергетика временами успокаивали. Превращали серьезные вещи в смешные, а смешного трудно бояться. В итоге Алиса призналась себе, что не проявила достаточных усилий для уговоров Артема, но менять ничего не стала.

Весь вечер они с Лехой обсуждали варианты. Идти в полицию, как изначально предлагала Алиса, было бессмысленно. Леха, поковырявшись в памяти, выудил оттуда некий образ человека с кличкой Разумный. И если это тот, кто к ним приходил, а по всему выходило так, и если то, что про него слышал Леха, было хотя бы наполовину правдой, то в полицию идти не только бессмысленно, но еще и опасно. Оставался вариант — бежать. Но, опять же, слова гостя, что он знает о них все, давали понять — при необходимости он найдет их где угодно. Алиса ни за что бы не рассказала ему, где Флора. Но сейчас она и сама не знала этого.

Так они и заснули ближе к часу ночи, Алиса с помощью таблеток, а Леха на полу, укрывшись пледом, в который заворачивалась Флора.

Утром обоих разбудил громкий продолжительный звонок. Алиса проснулась, вздрогнула и поймала себя на мысли, что думает про домофон.

«В этом доме есть домофон. Почему все звонят в дверь? Как они это делают?»

Мысль зацепила ее настолько, что, лежа под настойчивый звонок, она продолжала думать о домофоне. Как он работает, как работает магнит, который держит дверь, можно ли его размагнитить? Как программируют ключи. Как идет сигнал в квартиру. Размышления были ненужными и бестолковыми, но избавиться от их абсурдной навязчивости никак не получалось. Неожиданно звонок прекратился — это Леха открыл дверь опешившему Артему.

Артем был ниже Лехи на целую голову и казался на его фоне шуплым подростком. На веснушчатом лице маленький рот и маленький курносый нос смотрелись, как детали от фигурки человечка, а не части тела. Густая копна волос с рыжеватым оттенком напоминала стог сена, высушенный на солнце и надетый на голову. На нем было габардиновое куцее пальто, казавшееся ему не по размеру маленьким и щеголеватые оранжевые ботинки, типа рабочих, с

высунутыми вперед язычками. Такие разные люди редко встречаются в жизни. А если встречаются, то ненадолго.

— Алиса дома? — выдавил из себя Артем.

— Дома, — ответил Леха, впуская гостя.

Артем вошел, бросая на незнакомца подозрительные взгляды. Сняв обувь и повесив пальто на плечики, он размотал цветастый шарф и, взглядом спросив, может ли он пройти дальше, прошмыгнул мимо подвинувшегося Лехи.

Алиса так и лежала, думая про домофоны и про другие устройства, о работе которых она не имела никакого представления. За закрытыми глазами она видела розовый свет, пробивающийся через сомкнутые веки. Когда Артем подошел к кровати и взглянул на нее, она почувствовала его туалетную воду: древесный аромат, смешанный зачем-то с запахом фиалок. Он присел на край кровати.

— Расскажешь мне, что происходит?

Алиса открыла глаза и пристально посмотрела на Артема.

— Расскажу.

— Сейчас?

— Давай я встану, умоюсь, оденусь, и тогда поговорим.

— Встретимся на кухне, я поставлю чайник.

За окном первые хлопья снега ложились на еще теплую землю и мгновенно таяли. На кухне сидели трое: миловидная девушка с красными от бессонных ночей глазами в вязаной безразмерной кофте до колен, молодой парень в клетчатой рубашке, застегнутой на все пуговицы и заправленной в голубые джинсы, и небритый мужчина с перебитым носом, в черной футболке без надписей и с татуировкой на правом предплечье.

Первой начала Алиса:

— Тема, познакомься — это Алексей, он живет со мной.

Артем поперхнулся чаем и с видимым недоумением кивнул сидящему напротив мужчине.

— Так получилось само собой. Сначала я вышла на улицу и там застала бандитов, которые его избивали. Потом они схватили меня, а потом вышла Флора и всех прогнала. Но не просто прогнала — одному отрубила кисть, другому пальцы. Они, кстати, до сих пор в морозилке. Даже не знаю, зачем. Потом Флора пропала, а Леха остался. А потом пришел Иван Разумов и сказал, что мы должны найти Флору для него, иначе он... Что иначе он не сказал, но, скорее всего, нам будут причинять страдания и боль. Осталось два дня. И вот ты пришел. Лучше бы не приходил... но все равно спасибо.

— Я не все понял, — задумчиво произнес Артем. — Но, из того, что понял, ясно одно — нужно звонить в полицию.

— Мы посоветовались и решили, что это не поможет, а ситуацию может ухудшить.

— Понятно, — неуверенно протянул Артем. — Какой тогда план?

— Ты точно хочешь его знать? Тебя никто не видел и о твоём существовании никто не знает. Хотелось бы, чтобы так и оставалось.

— Ну не могу же я тебя просто бросить! Давай ко мне на дачу поедем и... — Артем с недоверием посмотрел на Леху. — Тебя, Алексей, я тоже приглашаю.

Леха с сомнением покачал головой. Он был не особо разговорчив, но в этот раз взял слово, и его глубокий бас раскатился по кухне.

— Ситуация такая, что хорошо она не закончится. Я думал, как ее решить, гонял мысли. Решение такое: я встречу Разумного на улице, скажу ему, что Флора была моей девушкой, вот и впряглась. Схоронилась где-то. Я не в курсе. А даже если бы был — не сказал бы. Скажу, что ты, — он указал на Алису, — не в курсе за эту тему. Что у тебя на хате просто висели, так и получилось, что ты поучаствовала в разборках. Скажу ему, что такой расклад, и если

есть что предъявить — пусть предъявляет. Я их манеры знаю, он плюнет и скажет, что будет решать вопрос по-другому. У меня в Орле сослуживец живет — туда поеду, денег ровно на билет осталось. Думаю, рано или поздно, он меня, может, и найдет, но там уже и порешу че как. Такой вот план. Так что сворачиваем парламент — не будет другого решения.

Алиса отстраненно посмотрела на говорившего и молча кивнула. На лице Артема читалось облегчение.

— Ты в понедельник, может, на учебу тогда придешь?

— Да приду, не переживай, — без малейшей запинки соврала Алиса, думая, что на учебу в ближайшие тридцать лет не пойдет.

— Отлично, я тебе скину в телегу, что проходили.

На этой, как показалось Артему, позитивной ноте они расстались. Как только за Артемом захлопнулась дверь, Алиса снова расплакалась.

Минут через тридцать телефон взорвался сообщениями от Артема. Все, что он не решился спросить раньше, теперь рваными строчками заполняло экран. «У вас с Лехой было что-то?». «Флора вернется еще?». «Ты не будешь ведь его отговаривать?». И так далее, в таком же духе. Алиса не ответила ни на одно. Отправила короткое: «Расскажу при встрече».

Глава 9. Рука в кожаной перчатке

Утро выдалось морозным, на остекленевших лужах лежала снежная пыль. Леха стоял у подъезда и, чтобы не замерзнуть, поднимался на носках. Это давняя армейская привычка помогала не оконечить за долгие часы ночного дежурства. На нем была рваная спортивная куртка, надетая поверх растянутого свитера. Правда, растянут он был разве что для Алисы — на Лехе едва доходил до пояса, а рукава обрывались на локтях. Но под мастеркой этого видно не было.

Алиса подумала, что, должно быть, уже несколько тысяч раз он поднялся и опустился на носках, и уже хотела позвать его домой, но тут из-за угла показался мужчина. В той же дубленке, с сигаретой в зубах он шагал неспешно, но очень уверенно.

Алиса не открывала окно, поэтому не слышала, о чем они разговаривали. Диалог длился минут пять. Почти все время говорил Леха. Собеседник слушал молча, не выказывая эмоций. На лице Разумного мелькнула гримаса презрения. Он сплюнул и прищурившись посмотрел на окно. Алиса отпрянула назад, хотя на улице было очень светло, а люстру она предусмотрительно выключила, так что видеть он ее не мог.

Когда она снова подошла к окну, Леха стоял один. Казалось, все прошло по плану. Сейчас он вернется и начнет готовиться к поездке, а она скажет, что поедет с ним. Ну, или пусть он придумывает новый план, но оставаться одной ей не хотелось. Можно обсудить вариант с дачей Артема, можно просто на какое-то время поехать в Москву. В общем, сейчас он придет, и они все обсудят и решат, как лучше поступить. Придумают, что делать дальше.

Но Леха не вернулся. Он постоял минуты три и пошел следом за ушедшим мужчиной. Алиса резко распахнула окно и закричала:

— Не ходи с ним!

Леха не ответил. Не обернулся. На свежем снегу остались следы кожаных туфель с металлической пряжкой. Рядом — следы кроссовок. Человека, который, похоже, уходил навсегда.

Алиса медленно опустилась на стул. В голове стучали молотки, сердце громко билось, из глаз снова потекли слезы. Удивительное дело: эти двое — Флора и Алексей — появились в ее жизни совсем недавно. Чужие, по сути, люди. Люди из другого мира. Люди, с которыми она, при других обстоятельствах, никогда бы не встретилась. Люди, которым она ничего не была должна, а они ничего не были должны ей.

Отчего же было так отчаянно одиноко? Чувством детской обиды, неправильным, несвоевременным, стучали молоточки в голове. Отбивали ритм: «так нечестно, так нечестно».

Внезапно сделалось душно: стены, казалось, сжимаются и вот-вот раздавят ее. Стало до невозможности страшно. Алиса кинулась к коробке с лекарствами, долго копалась в пустых упаковках от «Алпразолама», «Феназепам» и «Флюанксола». Отчаявшись, выдавила из блистера три таблетки «Корвалола» и запила остывшим чаем. Потом вышла из кухни и упала на заправленную кровать.

Она лежала, и ей хотелось больше не думать ни о чем. Такая вдруг усталость навалилась на нее. Она больше не верила, что хоть как-то может повлиять на происходящее. Все случилось само собой. На самом деле она и никогда не могла на это влиять. Родители развелись — она просто смотрела. А что тут поделаешь? Как этому можно помешать? Ее родной брат уехал за несколько тысяч километров, оборвав все связи с ней — она просто приняла этот факт. Что она должна была ему сказать? Мама сказала, что нужно поступить в институт, и она поступила. А как иначе: других вариантов не существовало. Нужно было ходить на занятия, и она ходила.

Тревожная болезнь не спрашивала, хочет ли Алиса вернуться к нормальной жизни: как все молодые девушки веселиться, ходить в клубы, встречаться с парнями. Флора не спрашивала, хочет ли она, чтобы та ворвалась в ее жизнь. Леха — единственный, за кого она вступилась по своей воле, но произошло это при случайных обстоятельствах. Будто кто-то управлял ее жизнью. Марионетка без права выбора. И теперь она лежит на кровати, сломленная очередной ненужной ей панической атакой. Чувствует себя ничтожеством. Жалким, никчемным существом, не способным ничего изменить.

Все, что оставалось — это отрицать сам смысл перемен по воле человека. Человек — просто сорвавшийся с дерева лист, который ветер загоняет, куда ему хочется.

Она снова подумала о Лехе. Он ведь все знал с самого начала. Знал, что никуда он не уедет. Знал, чем закончится встреча. И все равно пошел. Еще и ее убедил, что это единственно правильное решение.

И Флора. Теперь Алисе казалось, что и она знала, что не вернется. И что все вокруг нее всегда все знают и поступают, как им заблагорассудится. Выходит, это она такая наивная. Даже не наивная, а бестолковая. Хотелось разозлиться, но разозлиться не получалось. Было просто грустно и страшно.

Алиса почувствовала, что ее бьет озноб. Она попыталась укутаться в одеяло. Сил не было, и она долго возилась, доставая его из-под себя. В квартире сделалось очень холодно. Опять почудился фиалковый запах. Может, Артем пришел? Она постаралась открыть глаза и оглядеть комнату. Все вокруг кружилось, и ей показалось, что люстра раскачивается. Она снова зажмурилась.

«Что со мной? Видно, я заблеваю. Отчего так холодно?».

— Артем! — Алиса была уверена, что она громко позвала приятеля.

Не услышав собственного голоса, она попыталась встать, но встать не получалось. Вдруг комната наполнилась ярким светом. Розовым, неестественным, словно стены покрасили розовой светящейся краской. Глухой треск. Потолок разверзся, и сверху полетели окровавленные части тел: ноги, руки, куски печени, ошметки кишечника, глаза с длинными сосудистыми тяжами. Останки падали на пол, на кровать, на нее.

Алиса пыталась встать — не получалось, пыталась кричать — не могла. Когда закончился кровавый дождь, потолок окончательно исчез, и высоко над собой она увидела гигантские зубы, которые перемалывали людей. Кровавая челюсть сплевывала остатки пережеванной плоти

Челюсть разомкнулась. Алиса увидела огромный алый язык, испещренный зелеными язвами. Язык дернулся. Челюсть заскрипела, задвигалась. Изнутри раздалось: «Какой цвет ты видишь? Говори! Какой цвет?!»

Алиса хотела сказать «розовый», но у нее не получалось произнести ни звука. Она начала плакать от бессилия. Тогда челюсть сомкнулась и начала приближаться к ней, оскалив желтые клыки.

Алиса резко открыла глаза.

За окном смеркалось. В комнате было прохладно оттого, что она забыла закрыть окно. Девушка встала и только тут обнаружила, что вся сырая от пота. У нее действительно началась лихорадка.

Сделав горячего чаю и переодевшись, Алиса снова забралась в постель и постаралась уснуть, но сон не шел. Она пододвинула к себе ноутбук и включила первый попавшийся сериал. Не особо понимая, что в нем происходит, она просто лежала и смотрела на сменяющиеся картинки.

К полуночи села батарея. Алиса перевернулась на другой бок. Голова разболелась. Девушка снова встала и, дойдя до кухни, выпила две таблетки «Парацетамола». Затем вернулась в комнату и вскоре забылась сном. Сон был поверхностным, на этот раз без сновидений и длился недолго. Через пару часов она снова проснулась оттого, что была вся сырая.

Алиса поднесла айфон к лицу: было два часа тридцать три минуты. Раздался едва уловимый шелест.

«Я готова, — подумала Алиса. — Сегодня ночью я готова».

Через несколько минут звуки стали четче. Они повторялись. Теперь она не сомневалась: шаги. Она открыла глаза. Вгляделась в темноту. В дверном проеме, разделяющем прихожую и комнату, виднелись явные очертания человека. Черного человека. Без лица, без одежды. Обтянутого гладкой, без единого шва, кожей. Человек медленно приближался. Алиса не шевелилась. Фигура нагнулась. Рука в кожаной перчатке медленно потянулась к ее шее. Алиса зажмурилась и не стала кричать.

ЧАСТЬ 2 ГНЕВ

Глава 1. Янтарь

Безудержная тьма. Со всех сторон — плотная, как ткань. Осязаемая, живая. Ее невозможно увидеть, только чувствовать. Она обволакивает и держит в своих объятиях. Темнота не ощущается кожей — скорее разумом. Она прикасается к сознанию, сливается с ним, растворяя, как океан — кристаллы соли.

Времени не существует. Нет ничего материального, только чувства. Но такие, которые не связаны со зрением или слухом — можно думать о них, но не более. Странное, ни с чем не сравнимое ощущение. Внутреннее спокойствие и при этом тоска и одиночество. Но нет желания прекратить это. Хочется плыть и плыть в этом потоке темной энергии, скользить все дальше, сливаясь с ней в единое неделимое целое.

Вспыхивает точка. Маленькая, едва заметная. Поначалу неспособная пробить мрак. Но точка начинает расти и вскоре превращается в звезду. Звезда испускает лучи, и один из них касается разума Флоры. Обжигает его и пробуждает. Чувства, настоящие, телесные, вдруг просыпаются, и в разум проникает боль. Боль заполняет его до тех пор, пока не начинается агония, но и тогда огонь не затухает, а, наоборот, разгорается сильнее. Раскалившись до предела, звезда взрывается, осыпая все янтарными раскаленными осколками.

Флора лежит на холодном столе. Мраморная его поверхность, отполированная до слепящего блеска руками неизвестных мастеров, темно-розового цвета. Из-под стола пробивается яркий янтарный луч. Проходя через столешницу, он рассыпается на множество кристаллических искр. Девушка пытается открыть глаза. Нестерпимо ярко. Она щурится и пробует вскинуть руку, заграждаясь от света — тело не слушается.

— Флора, — прозвучал нежный и в то же время очень властный голос. — Ты понимаешь, где ты?

Флора понимала. Она умерла. Нергал убил ее. Воспоминание костяной иглой кольнуло в спину.

— Я умерла, — хрипло произнесла девушка. Говорить было очень больно.

— Ты понимаешь, где ты? — повторил голос.

— Я в храме?

— Это так.

— Зачем? — как-то отрешенно спросила Флора.

— Нужно время, чтобы найти замену тебе. До этих пор ты вернешься к своим обязанностям.

— А потом?

— Мы заберем тебя.

Голос принадлежал Аркт, Старшей Сестре, которая снизошла до разговора с Флорой. Это было волнительно и жутко одновременно. Голос лился, как горный ручей — чистый, звенящий, не знавший преград.

Рожденные в храме Младшие Сестры умирают здесь же. Где бы они ни были убиты, их призывали обратно. Чаще всего на мгновенье. А уже потом навсегда возвращали в темноту. Для чего было так устроено, Флора не знала. Она лишь подумала, что в этой темноте не было Эйрины. Это ее очень расстроило.

Больше обсуждать было нечего. Флора чувствовала присутствие других Старших Сестер, но понимала, что увидеть их ей не дадут. Ни увидеть, ни услышать. Но голос Аркт будет с ней до конца ее дней, хоть этих дней и осталось совсем немного.

— Закрой глаза, Флора! — прервал ее размышления голос. — И постарайся ни о чем не думать.

Слова прозвучали требовательно. Голос прокатился по залу и, отразившись от сводчатых стен, вонзился внутрь лежащего тела. Янтарный свет залил все вокруг, и Флоре показалось, что у нее что-то лопнуло в голове. Боль была невыносимой, и девушка провалилась в забытие.

На удивление, сон оказался благотворным. Проснувшись она в своей келье, на знакомой циновке, накрытая шерстяным одеялом. Голова все еще болела, но вполне сносно. Ощупав грудь, Флора убедилась, что раны больше нет, но в том месте, где ее проткнуло копьё демона, пальцы нащупали уплотнение. Будто ее зашили изнутри. Ощущения были довольно мерзкие.

Рядом сложена одежда служительницы: серый плотный хитон, укороченный до бедер, и исподнее. Возле одежды — ее катана. Флора порадовалась, что умерла с оружием в руках. У входа лежал Штайт. Большой седогривый волк положил голову на лапы и безмятежно спал. Флора видела, как вздымается могучая грудь.

Младшая Сестра встала и быстро оделась — без одеяла было прохладно. Флора достала катану и внимательно рассмотрела узор, вытравленный на стали у самой гарды. В стенах Целлара он светился ярким гранатовым светом: змея, оплетающая руку — символ вечного заключения.

Несколько раз взмахнула клинком, пробуя тело. Потом подошла к волку и потрепала его по холке. Могучий зверь открыл глаза. Девушка кожей ощутила смутное чувство тревоги. Что-то было не так. Впрочем, Флора понимала, что уже никогда и ничего не будет «так».

Странно было думать, что жить ей осталось отведенное время. Все Младшие Сестры готовы к смерти после окончания Академии. Но не в назначенный час. Знать, что ты умрешь — не то же самое, что знать, что ты умрешь неизбежно и в самое ближайшее время. Рисковать жизнью — не то же самое, что понимать наверняка, что тебя уничтожат — полностью, безвозвратно, когда придет срок. Жизнь Младших Сестер, безусловно, им не принадлежала, но отдать ее нужно было в бою, до последнего сопротивляясь неизбежному, с оружием в руках!

Возможно, крамольные сомнения возникали исключительно по причине ее, Флоры, неправильности. Ее странной тоски, которая и теперь зудящей занозой сидела в сердце. Никогда раньше она не ощущала такого. Никогда не пыталась размышлять о своей жизни и о своей смерти. Штайт недовольно заворчал. Ей показалось, он понял ее мысли — и был ими недоволен. Неправильные мысли, которые она уже не могла сдерживать.

«Я уже ничего не могу с этим сделать. И самое главное — не хочу!»

Подумала и сама опешила от своей дерзости. Это был вызов! Это было откровение. Одно дело, когда тебя одолевают страсти, но ты борешься с ними, пытаешься скрывать. И совсем другое — когда ты принимаешь себя, когда не хочешь подчинить себя общепризнанным правилам. Это был бунт! Бунт, который, вне всяких сомнений, чувствовал и понимал Штайт. Не мог не понимать. Но ворчание его сменилось на многозначительное мотание головой, а потом он и вовсе преспокойно улегся обратно и закрыл глаза.

«Ты тоже сломался, Штайт? Ты же вечный, как сама служба. У тебя не может быть таких терзаний, не должно быть. А может, ты и не терзаешься?» В этот момент Флору посетила опасная и, в то же время, волнующая мысль: «Ты не в смятении, ты это сознательно!»

Глаза волка открылись, и Флора увидела в них подтверждение своей безумной догадки. Желтые бездонные глаза, глаза зверя с человеческим взглядом. Страшные и вместе с тем такие величественные, смотрящие внутрь, видящие тебя насквозь. Она почувствовала, как по крови побежал адреналин, словно перед битвой. На лице ее появилась ухмылка.

В это мгновение послышались удары набата. Начиналась тренировка. Выбраться на поверхность вовремя она уже не успевала и поэтому, справедливо рассудив, что сегодня может не присутствовать, пошла на обход. Волк нагнал ее через некоторое время и засеменил рядом, пружинисто ступая на мягких лапах.

Штайт не доложил о ней, когда они были на земле, не потому, что у него были какие-то сомнения — он специально этого не сделал. Теперь Флора была в этом уверена. Она никогда не думала про Штайта вне службы. Он был ее верным спутником с момента окончания Академии. Волк выбрал ее после того, как его прошлая хозяйка отправилась в вечную темноту. Тогда один из заключенных на шестом круге растерзал и фактически съел Младшую Сестру, а волк в это время дрался еще с тремя. Ее звали Алекта. Печальная история, которую все хорошо знали.

«Хорошо, да не хорошо», — подумала Флора, и ей опять стало тоскливо. Она старалась не вспоминать, как погибла Эйрина. Но чем глубже она прятала эти воспоминания, тем они делались болезненней, приобретали очертания грозовой тучи, которая вот-вот начнет бить молниями.

Волки подчиняются Младшим Сестрам. Но их воля и сущность всегда находилась вне понимания правителей Целлара. Принимая облик тени, волк становился недосягаем для какого-либо физического воздействия. Волки исправно служили целям Целлара и, кроме того, были стражами для самих служительниц, охраняя их мысли от всех ненужных для службы идей. В случае же нарушения гармоничных мыслей, направленных исключительно на дело долга, волк сообщал об этом Мастеру Фенриру, который был проводником между миром таинственных зверей и людей.

Так, по крайней мере, думала Флора, так думали, скорее всего, и другие Младшие Сестры. Но что-то явно не складывалось. Самого Мастера Фенрира никто не видел — он не появлялся в стенах Целлара, никто не слышал, чтобы волк сообщил о надсмотрщице или об охотнице, или другой Младшей Сестре. Да и волки были у единиц — большинство Младших Сестер были лишены компании могучих зверей.

Все это были знания не нужные для выполнения долга, а иногда и вредные. Теперь Флора понимала, что раз проникнув в голову, они становились водой, точащей камень. Ответ на один вопрос тут же рождал другой. А новые вопросы толкали друг друга, как костяшки маджонга. Падали, руша крепкие стены личности, так старательно возведенные учителями Академии. И Флора воочию могла наблюдать, как личность ее раскалывается, как уходит спокойствие и умиротворение, как уходит вера. Та самая вера в службу и долг, которая есть основа жизни, смысл ее и ее суть.

Они подошли к механизму подачи еды для заключенных. Система желобов гнала перемолотую пищу: смесь зерна, овощей и рыбьих потрохов. Желоба проходили снаружи камер, и через систему заслонок смесь из центрального желоба поступала по отдельным каналам через узкие отверстия в камеры. Таким же образом поступала вода.

Целлар когда-то был Вулканом. Со слов Импа, он потух тысячу лет назад. Спустя четыре века его превратили в новую тюрьму. Где был старый, и почему его решили перенести, Флора не знала. Работы по преобразованию вулкана в тюрьму для особо опасных преступников продолжились еще тридцать лет. Девять уровней мрачных катакомб: ближе к поверхности самый маленький, внизу — самый большой. Чем глубже уровень — тем страшнее преступления

На их с Эйриной уровне содержатся негодяи, пытавшиеся обманом захватить власть в Ша, продавцы высоких должностей и разжигатели войны. Одного из таких разжигателей звали Адарес. Флора немного знала о нем, потому что именно он убил Эйрину. Адарес из Маррании — города, погрязшего в коррупции, лежащего к северу от столицы. К сожалению, это все, что удалось выяснить. Контакты со внешним миром служительницам были ни к чему и не приветствовались. Большинство заключенных оставались безмолвными безымянными аватарами, в тела которых были заключены сущности бывших преступников.

Флора заметила на стене знак, оставленный надсмотрщицей с девятого круга, которая по просьбе Флоры согласилась на время пребывания на Земле заменить ее. Девушка задумалась, что кроме нее Землю посещала только Тристана. Собственно, это она и рассказала, что есть такая возможность, свела ее с паромщиками и объяснила суть эха — перемещение души

убитой Младшей Сестры в человека на Земле. Впрочем, Имп все эти рассказы подтвердил. Похоже, что это была правда. Но никто не рассказал, что убить носителя эха будет непросто. Флора сжала кулаки. Из-за своей слабости она умрет. Из-за своей слабости она не узнает, можно ли хоть на мгновение вновь увидеться с Эйриной, чтобы сказать ей то, что осталось невысказанным. Флора корила себя, и ее вновь посетили мысли о собственной смерти.

Возможно, несколько месяцев пройдет до того, как смогут перевести надсмотрщицу с другого круга, а может, и этот месяц не успеет закончиться. Она знала, что переводят всегда только с нижних уровней. С первого по шестой по одной служительнице, а значит, перевод из них невозможен. Академия выпускает новых служительниц раз в девять лет. Насколько было известно Флоре, новый выпуск будет только через два года. Всегда можно призвать и переобучить Младшую Сестру из других служб, по крайней мере, на какое-то время, но Флора не думала, что правители пойдут по такому пути.

Внезапно, размышления девушки прервал громкий шум. В одной из камер кто-то буйнил: бился в стену со всей силы, раз за разом сотрясая тяжелыми ударами каменную преграду. Шерсть на загравке Штайта вздыбилась. Флора сжала рукоять катаны.

Грохот становился громче. Флора остановилась у камеры, откуда слышались удары. Меч уже был в правой руке, ноги сделались, как пружины. Флора вплотную подошла к стене. Приложила ладонь к отпечатку на граните. Жуткий скрежет. Каменная плита медленно пошла вниз. В темноте за ней шевельнулось что-то живое.

Глава 2. Корпорация Энигма

— Алиса, проснись! Как долго ты спала!

— Какой мне странный сон приснился! — сказала Алиса, открывая глаза.

— Расскажешь?

— Пожалуй, да... — Алиса начала говорить, но осеклась. Она не была дома. И голос принадлежал незнакомцу. — Где я?

Человек замялся, пробормотал что-то себе под нос. Потом встал с края кровати, на котором сидел, и, бросив что-то вроде «позову Марка, я не знал, что уже все, я не понял, как это случилось...», вышел из комнаты.

Алиса огляделась. Комната, в которой она находилась, напоминала палату в больнице. Белые стены, желтые карнизы под потолком, маленькое окошко в центре стены напротив ее кровати. В окошке был свет, но не дневной. Сама кровать прикручена к полу. Рядом стояла не то капельница, не то держатель для кружки Эсмарха. Постельное белье было тоже белым, накрахмаленным. Пол покрыт глянцевой керамической плиткой. В углу комнаты большой белый шкаф с матовыми стеклянными дверцами. Над головой Алиса заметила небольшую картину, которая подчеркивала унылое убранство. На картине изображен «Девятый вал» Айвазовского, репринт на альбомном листе, помещенный в тонкую невзрачную рамку.

Алиса резко села, свесив ноги. Голова закружилась, и перед глазами заплясали черные мушки. Она опустила голову, взгляд уперся в похудевшую грудь: на ней была пижама бледно-зеленого цвета на голое тело. Одежда была явно казенная. Девушка огляделась по сторонам, но своей одежды не обнаружила.

Когда пространство комнаты перестало плыть, Алиса попыталась успокоить себя. Нужно было разобраться, где она находится и что произошло. Что-то нехорошее случилось перед этим. Что именно — не вспомнить.

Дверь отворилась, и в комнату вошел мужчина. Высокий, с худым лицом, длинным острым носом и пухлыми алыми губами. Лицо его, как показалось Алисе, было желтоватого оттенка, маленькие глаза смотрели прямо и устало. Мужчина потер веки, затем переносицу, словно сгоняя усталость.

— Здравствуйте, Алиса.

Голос глухой, спокойный. Жесты плавные. Он будто стоял на палубе раскачивающегося судна.

Алиса ничего не ответила. Она насторожено смотрела в глаза вошедшему, пытаясь вспомнить, видела ли она этого человека раньше. Ей казалось, что видела, но когда и при каких событиях, она не могла припомнить.

— Меня зовут Марк.

Мужчина не стал ей протягивать руку, но поднял в приветственном жесте ладонь, и Алиса увидела, что пальцы у него тонкие и сухие, немного заостренные кверху.

— Сначала будет непросто, — сказал он. — Но вы меня послушайте, не перебивая, а затем я отвечу на все ваши вопросы.

Он пристально посмотрел, выжидая. Приняв молчание девушки за готовность слушать, он продолжил.

— Вы находитесь в Северо-западном подразделении корпорации Энигма. Про сам проект Энигма вы узнаете со временем. Сегодня пятнадцатое марта две тысячи двадцатого года. Вы поступили в ноябре две тысячи девятнадцатого. Да, прошло четыре месяца. Все это время вы были в сознании и находились здесь по своей воле. Вы проходили инициацию. Побочный эффект инициации — временная потеря памяти. Воспоминания вернутся. Через какое время — точно сказать не могу: у всех по-разному. Ничего страшного за это время не произошло. Не пугайтесь. Это не блокировка сознания. Скорее побочный эффект, как от лекарства. Бывали случаи, когда люди вспоминали все уже через неделю. На самом деле инициация закончилась несколько дней назад, но потом происходит этот побочный эффект и вот испуганный Рене выбегает из процедурной, а я здесь.

Он попытался улыбнуться. Получилось не очень естественно, но было видно, что он старается.

— Я буду рассказывать частями, давая вам отдохнуть. В целом, по жизненным показателям вы сейчас в отличной форме благодаря питанию и специальным упражнениям. Про это расскажу чуть позже. Сегодня остановимся на том, кто я, где мы и, самое главное, зачем. Ранее вы видели черных людей...

Алиса неожиданно для себя вскрикнула:

— Да!

— Так вот, — не обратив внимания на эмоциональную вспышку, продолжал Мрак. — Это венаторы Энигмы. Их задача — искать таких, как вы. Предвижу ваше возмущение и соглашусь: это не очень гуманно. Но поверьте, пока мы не придумали, как можно улучшить этот этап. До инициации каждый видит их по-своему. Вы — черными людьми. Кто-то — насекомыми. Кто-то — пришельцами или сгустками света. Почему-то всегда образы пугающие. Я не знаю, почему так, но у меня есть догадка. Но сейчас не об этом. После того как венаторы разыщут кандидата, они проводят проверку, которая может занимать от нескольких дней до месяца или даже нескольких лет. Я знаю, что в вашем случае они затянули, и прошу извинить нас за это.

Мужчина сочувственно посмотрел на Алису, и ей показалось, что он говорит искренне.

— Когда проверка закончена, они доставляют кандидата в ближайшее подразделение. Начинается процедура инициации. Я был вашим куратором в этой процедуре, и хочется верить, что в дальнейшем буду вам наставником.

— Вы похитили меня? — Алиса в недоумении смотрела на постороннего ей человека, который назвался куратором, чтобы это не значило. Взгляд ее говорил о непонимании происходящего. Марк с горечью пожал плечами.

— Нет, — разочарованно протянул он, — не совсем. Вы меня не слушали?

— Слушала, но то, что вы говорите, звучит как бред.

— Не буду спорить! Но на минуту сделайте допущение, что это правда. Просто представьте. Вы же проходите математику в институте? Пусть все, что я сказал, будет предположительно правдой, и дальше пазл сложится.

Алиса задумалась. Если верить тому, что сказал чудаковатый мужчина, не подвергая сомнению его подозрительную историю, то, выходит, она не ненормальная. Все это время она видела существ, которые в итоге реально ее и похитили. По всему выходило, что ненормальные они. Если принять на веру, что прошло четыре месяца....

— Пойдите, а как же родители? Они с ума сойдут!

— Отлично, — обрадовался Марк, хоть и неуверенно. — Вы уже задаете нужные вопросы. Мы сделали все, чтобы ваши родители не волновались. Насколько получилось — вопрос другой. Для них вы отправились в другой город по учебе, скажем так: пройти спецкурс. Естественно, все это время вы переписывались и созванивались. Ваш смартфон будет в вашей комнате.

— В этой? — Алиса огляделась по сторонам.

— Нет, конечно! Мы в процедурной. Рене делал вам УФО крови — это длительная процедура, и вы задремали. Он все прибрал, потом ушел, потом снова вернулся, а вы все спали — теперь понятно, почему. Потом он разбудил вас. И вы очнулись, скажем так... другой. Он немного запаниковал. Рене — наш медработник, он недавно к нам присоединился.

— Он француз? — Спросила Алиса, покосившись на медицинский штатив на колесах.

— Француз, но проживал в России.

— А вы?

— Я из Челябинска, — Марк снова попытался улыбнуться. — Но мы немного отвлеклись. Как я уже сказал, ваши родители не беспокоятся, вы с ними общались и не один раз.

— Я ничего этого не помню!

— Так и должно быть — не думайте сейчас об этом. Давайте, я провожу вас в номер и расскажу подробнее о том, как у нас все устроено.

Алиса поднялась с кровати, голова больше не кружилась, наоборот, она ощущала себя непривычно сильной. Походка сделалась уверенной и даже какой-то упругой. Мышцы приятно болели, чувствовалась легкость в движениях. Что бы они с ней не сделали, телу это явно пошло на пользу.

Они вышли в яркий коридор, который сильно контрастировал с палатой, где Алиса очнулась. Коридор был очень светлым. Насколько хватало глаз, тянулись пролеты. Алиса повернулась к двери. На уровне глаз видна была серая табличка с надписью: «Treatment room № 101». Марк не спеша двинулся в левую сторону от процедурного кабинета. Алиса пошла за ним, не переставая удивляться его разболтанной походке — это явно диссонировало с его манерой общения.

Через несколько минут пролет закончился, и они вышли в большое помещение, напоминающее холл в театре. Высокий потолок имел куполообразные части. Сами купола были местами застеклены, а через окна пробивался солнечный свет, по крайней мере, так показалось Алисе. Этот свет немного успокоил ее. В центре холла располагались диваны и кресла, образуя островки, посреди которых стояли журнальные столики. В некоторых островках находились люди, они о чем-то спокойно разговаривали и не обращали на Алису никакого внимания.

Алисе стало не по себе. Она вдруг поняла, что идет в пижаме на голое тело. Рубашка немного походила на медицинскую, но все же это была пижама. Она глубоко вздохнула и обратилась к Марку, замешкавшемуся перед высокой стойкой, за которой стояла дородная седая женщина в очках с толстыми линзами.

— Мы можем поскорее попасть в мой... номер?

— Да, да, — отмахнулся мужчина, продолжая о чем-то говорить с пожилой дамой.

Алиса отвернулась от них. Стараясь выглядеть непринужденно, облокотилась на стойку и уставилась на странную парочку, которая о чем-то спорила на повышенных тонах. Это была смуглая девушка лет двадцати с полными миниатюрными губами, в желтом свитере с широким воротом, с густой копной черных жестких волос и матовой кожей. Ее оппонентом был пожилой мужчина — лысый, с длинной козлиной бородкой, густыми белыми бровями и изнуренным желтушным лицом. Они сидели так близко друг к другу, что казалось, они муж и жена, но сильная разница в возрасте говорила, скорее, что это отец и дочь.

Черноволосая девушка резко вскочила, словно собиралась ударить собеседника. Но тот, на удивление проворно, схватил ее за руку и хриплым голосом позвал кого-то. Из-за угла показалась парочка дородных молодых людей в синих комбинезонах. Алиса подумала, что такие обычно носят строители. Двое вплотную подошли к спорящим. Девушка, смиряясь, отпустила сухое жилистое запястье и сразу отвернулась. Алиса на мгновение поймала ее взгляд. Ей стало неловко от того, что она стала невольной свидетельницей этой странной сцены.

Алиса так увлеклась зрелищем, что не сразу почувствовала руку на своем плече.

— Идем.

Он сам открыл дверь с номером 667. Это была небольшая комната, очень прагматично обставленная.

— Аскетизм в стиле хайтек, — объявил Марк и почему-то смутился, — моя знакомая так говорит.

Алиса осмотрела комнату, где стояла односпальная кровать, письменный стол на одной изогнутой ножке и такой же футуристичный стул; шкаф для одежды напротив окна, в котором, к своему сожалению, Алиса также заметила искусственный свет. Девушка заглянула в ванную, обнаружив там душевую кабину, раковину, подвесной унитаз, несколько полотенец и очень маленькую стиральную машину. Кухни не было. В целом комната напоминала гостиничный номер, если бы гостиница располагалась на космическом корабле из фантастического боевика 90-х годов.

— Одежда в шкафу. Ужин в шесть вечера. И у меня есть кое-что для тебя.

Он протянул ей маленькую флешку.

— Ноут в столе. Я взял ее у Астры Натановны — это комендант, ты ее видела за стойкой. Флешку мы ввели недавно, для лучшей адаптации. Там десятиминутное видео. Ты сама записывала его в течение четырех месяцев — по две-три минуты за раз. Как будешь готова, включи — посмотри.

Алиса медленно протянула руку и взяла флешку.

— Тогда я пошел. Ах да! Связь: смартфон у тебя в столе, но там нет сим-карты. Точнее, есть, но не в привычном тебе смысле. Из старых контактов там только твои родители. Ты переписываешься с ними в нашем мессенджере, но для них высвечивается твой номер, как будто приходят обычные смс. Больше с внешним миром пока связаться не удастся. Также там есть Рене и я. Пока это все. Тебе знакомы еще несколько людей, которые помогли в инициации, но в дальнейшем ваше общение не предусмотрено.

Марк замолчал. Возникла неловкая пауза.

— Если что — я на связи: ты можешь позвонить или написать. В семнадцать пятьдесят выходи из номера, возьми ключ-карту, на полу увидишь световые стрелки с надписью «ресторан» — иди по ним.

Алиса смотрела на захлопнувшуюся дверь. Она пыталась сообразить, за что можно ухватиться в этом неожиданном круговороте событий. В кулаке была флешка, которую дал Марк. Девушка разжала пальцы и на зеленом боку увидела надпись: «Алиса 1».

«Все страньше и страньше» — подумала Алиса, включая ноутбук.

Глава 3. Побег

На нижних кругах Целлара небо почти не видно. Только на тренировках, что проходят наверху, удается поймать рассвет. Тренировка длится, пока не иссякнет песок в часах, которые переворачивает Раканиш — один из немногих наставников-мужчин. Имп говорит, что ему больше пятисот лет. Никто его не может одолеть в бою на мечах. Сам он высокий, в два раза выше Флоры, лицо закрыто маской, и Сестры не знают, что под ней. Он редко участвует в тренировке, больше кричит — резко, рублеными фразами.

Младшие Сестры тренируются вместе. Лучшие среди них — Флора и Тристана, надсмотрщица девятого круга. Их танец с клинками часто завораживает остальных. Но стоит Раканишу встать с циновки, как всем ясно: они лишь щенки рядом с бойцовым псом.. Его удары практически невидимы. Он — молния, разящая наповал. Огонь, сжигающий тебя еще до того, как ты успеешь осознать, что горишь. Он — Катана Смерти! Так выгравировано на рукояти его меча. Особенного меча. Таких клинков всего три: один у Раканиша, один у правителя Ша и один у ненавистного всеми Вальравена — отступника и предателя.

Историю Вальравена знали все. В Академии ее преподавали на уроках политики Ша. Его ужасные преступления против порядка могли потрясти даже выдавших виды.

Человек с головой ворона ел плоть убитых. Но не простых — только Великих. Только одаренных. И, поедая плоть, он приобретает их силу. «Чем больше мы ему позволяем — тем больше мы ему позволяем» — говорила Мать-наставница. Никому из Младших Сестер не одолеть Вальравена, но многие бы отдали левую руку, чтобы посмотреть на бой между Вороном и Раканишом.

Сегодня Флора вернулась после долгого отсутствия. Никто не спрашивал, где была. Флора дралась отменно — ни единого шанса для Тристаны. Раканиш удовлетворенно кивал головой, когда фурии с тренировочными мечами вихрем рук и ног пролетали мимо него.

Флора отметила, что она стала быстрее после воскрешения. Стремительные движения били точно в цель. Ей было легче сосредоточиться. Она не могла понять, с чем это было связано, но ей это определенно нравилось.

Погрузившись в службу, Флора не забыла про бунт. Но голос, шепчущий о нем, стал тише. Все вдруг сделалось таким привычным. Стало казаться, что не будет никакой принудительной темноты. Что она воспрянет духом и вновь попытается сойти на Землю, чтобы закончить начатое.

В мыслях кровавыми узорами заплясал было мстительный клинок, обращенный на Нергала. Флора знала, что он ей не по плечу, но откуда-то появлялись дерзкие мечты, что при определенных условиях, она может победить его. Мечты — еще одна извращенная форма неправильного сознания. Их тоже можно было списать на душевную болезнь.

Так незаметно пролетели тридцать дней усиленных тренировок и будничных обязанностей. Пока в один из дней не пришел посланник в капюшоне.

В хмурое дождливое утро, когда над горами нависли тяжелые фиолетовые тучи. Одинадцать пар босых ног скользили по утрамбованной земляной поверхности. Пот смешивался со скуными каплями холодного дождя и превращал боевые пируэты в рискованное танго.

Раканиш, как всегда, сидел на циновке и время от времени кивал головой. Ноги его, неестественно длинные, уродливые, были переплетены между собой причудливым образом, и казалось, ему потребуется несколько долгих минут, чтобы распутаться и встать. Но Сестры знали, что это обманчивое видение. И что при желании Раканиш окажется рядом с любой из них так быстро, что можно не успеть даже сделать защитный маневр. На Раканише было красное кимоно — неизменный наряд для проведения тренировок, подвязанный черным оби с

алыми кончиками. Шлевок на поясе не было. Раканиш завязывал его хитрым способом, чтобы при необходимости он мгновенно вылетал в сторону противника.

Посланник замер за спиной наставника, не произнося ни слова. Затем он что-то сказал наклонившись, и Раканиш жестом указал Флоре, что ей нужно выйти. Флора отскочила в сторону, как раз, когда две Сестры одновременно рубанули деревянными мечами то место, где она была мгновение назад. Увидев краем глаза жест Раканиша, Флора вскинула руку, показывая, что бой окончен.

Когда они с посланником отошли на почтительное расстояние, он заговорил своим скрипучим безжизненным голосом:

— Время пришло, Флора. Подготовься к передаче. Семь дней. Семь дней.

Флора кивнула, стараясь не смотреть на мерзкое лицо пришельца. Его склонность повторять последнюю фразу была ей хорошо известна.

— А Штайт?

Посланник нахмурился.

— Мы не можем ему приказывать, сообщи о его решении Матери-наставнице. Сообщи Матери-наставнице.

Флора снова кивнула.

По спине пробежал холодок. Не страх. Предвкушение. Сейчас только Флора осознала, что она ждала, когда придет это создание — Толледо — бездушный голос правителей Целлара, безносый уродливый слизень с булькающим проржавевшим голосом. И сообщит, что пора готовиться. Только она больше не готова подчиняться.

Все бунтарские чувства разом вспыхнули в груди, током крови растекаясь по гибкому совершенному телу, готовя его к роковому прыжку. Прыжку в обрыв, на дне которого она видела свой испорченный разум — неправильный, но так жаждущий быть. Что-то сломалось в ней. Сломалось безвозвратно. Флора понимала это, как никогда, отчетливо. Но сомнения в том, что это сломанное теперь стало ей ближе, чем все окружающее, отпали окончательно.

Несколько дней назад ее келью посетил некий господин. Одет был очень солидно. Так одеваются только те, кто служит во Дворце. Камзол из шерсти викуньи сидел идеально по фигуре. На бедре висел гладиус с рукоятью, отделанной драгоценными камнями: чередующиеся крупные топазы и рубины. Скорее, украшение, нежели оружие. На ногах — высокие кожаные сапоги с тиснением. Тиснение, должно быть, говорило о принадлежности его к какой-то определенной службе, но Флора не знала к какой. Изображение черепахи, на спине которой возвышалась каменная башня.

Его сопровождала Мать-наставница. Значит, ему можно было доверять. Представился как Йаред Зиф. Сказал, что занимается выяснением обстоятельств ее, Флоры, убийства. Как так могло случиться? Кто это сделал и, самое главное: почему Штайт допустил такой исход? Флора рассказала, как было дело. Про схватку и про Нергала. При его упоминании Йаред напрягся, но продолжил внимательно слушать. Про то, куда подевался Штайт, Флоре на самом деле было неизвестно, а если он желает допросить, то Штайт тут поблизости, она может его позвать. Йаред не пожелал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.